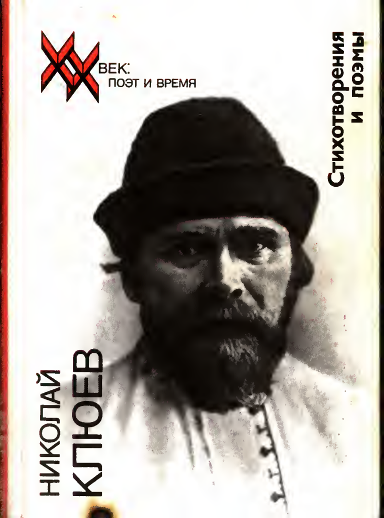

XX ВЕК:
ПОЭТ И ВРЕМЯ
Стихотворения
и поэмы
НИКОЛАЙ
КЛЮЕВ

БИБЛИОТЕКА XX ВЕК:
ПОЭТ И ВРЕМЯ

ВЫПУСК
14

НИКОЛАЙ

КЛЮЕВ

Стихотворения и поэмы

Москва
«Молодая гвардия»
1991

ББК 84Р7
К 52

Составитель,
автор вступительной статьи
и примечаний
Станислав Куняев

Оформление серии
Елены Ененко

Иллюстрации
Александра Стройло

К $\frac{4702010202-123}{078(02)-91}$ 166—91

ISBN 5-235-01259-3

ЖИЗНЬ — ОКЕАН МНОГОЗВОННЫЙ...

Пожалуй, ни у кого из русских поэтов судьба личная и судьба творческая не были столь загадочны и противоречивы, как у Николая Клюева. Таинственны были его жизнь и его смерть, во многом еще непонятой остается его поэзия. Оценки, данные ему современниками, пристрастны и односторонни.

«Если бы ты знал, какое письмо было на днях от Клюева... по приезде прочту тебе. Это — документ огромной важности (о современной России — народной, конечно), который еще и еще утверждает меня в моих заветных думах и надеждах» (А. Блок, 1908 г.).

«Клюев — большое событие в моей осенней жизни» (он же, 1911 г.).

«Клюев пришел с величавого Олонца, где русский быт и русская мужицкая речь покоится в эллинской важности и простоте.

Клюев народен потому, что в нем сживается ямбический дух Боратынского с вещим напевом неграмотного олонецкого сказителя» (О. Мандельштам, 1916 г.).

«Клюев, за исключением «Избяных песен», которые я ценю и признаю, за последнее время сделался моим врагом» (С. Есенин, 1918 г.).

«Из поэтов-современников нравились мне больше всего Блок, Белый и Клюев» (он же, 1925 г.).

«В стихах типа Клычкова и Клюева мы видим вос-

певанме косностн н рутнны... словом, апологню «идиотнзма деревенской жнзнн» (А. Безыменскнй, 1934 г.).

«Любовь к прнроде в творчестве этнх писателей — только антнтеза ненавнстн к городу, фабрнке, машине, пролетарнату, а сннтез — это власть кулачья, построенная на богом данной прнроде» (О. Бескнн — о творчестве Клычкова н Клюева, 1930 г.).

«Старые реакционные пнсателн тнпа Клычкова н Клюева к крестьянскнм пнсателям Советского Союза не имеют ннкакого отношения» (журнал «На подъеме», 1929 г.).

Даже по этим нескольким суждениям можно видеть, какое сложное наследство оставил Клюев своим современникам н потомкам. Наследство, беспрнстрастная оценка которого становнтся возможной лншь в наше время.

* * *

Ннколай Алексеевнч Клюев (1884—1937) родился в деревне Коштугн Вытегорского уезда Олонецкой губерннн (ныне террнторня Вологодской области). Мать Клюева — Прасковья Дмитрневна, была талантлнвой сказнтельннцей н плачеёй. Ее памятн поэт впоследствнн посвятил «Избяные песни»— один нз лучшнх своих стихотворных циклов. Первые стихн Клюева появилнсь в печати в 1904 году. До этого он учился в Петрозаводской фельдшерской школе, жил на Соловках — на «выучке» у соловецкнх старцев. За участне в революцнонных волненнях 1905 года поэт в 1906 году был заключен в вытегорскую, а позже в петрозаводскую тюрьму.

В 1911—1912 годах вышлн первые кингн Клюева «Сосен перезвон» н «Братскне песнн», принесшне ему нзвестность. Клюева сразу же заметилн Александр Блок н Ннколай Гумилев, Осип Мандельштам н Анна Ахматова, Андрей Белый н Сергей Городецкнй.

В 1915 году Николай Клюев позиакомился с Есенниым, их дружба-вражда продолжалась до самой есенииской смерти.

Октябрьскую революцию Николай Клюев встретил восторжеиио. Ей он посвятил кинги стихотвореиий «Медный Кит» (1918 г.), «Львииый хлеб» (1922 г.), «Четвертый Рим» (1922 г.).

С 1923 года Клюев жил в Лениинграде, часто иавещая и Олоиецкую губернию.

В 1926 году поэт пишет поэмы «Заозерье» н «Деревия», через два года выходит последияя его прнжнзиеиная кинга «Изба н поле». За последующие десять лет Клюев, вытесиеииый нз литературиой жизии крнтиками рапповского толка и всяческими «неистовымн ревнителями» н «вульгарными» социологами, опубликовал лишь четыре стихотворения в газете «Страна Советская» (1932 г.).

В начале тридцатых годов Николай Клюев переехал в Москву. Эти годы были расцветом его творчества, множество стихотворений, поэма «Песиь о Великой Матери» и одиовремеиио с этим жизиь в полной нищете, травля в печатн, посильиая помощь друзей, предчувствия неизбежиой гибели. В феврале 1934 года Николай Клюев по ордеру, подписаиному заместителем председателя ОГПУ Яковом Сауловичем Аграиовым (Сорендзоиом), был арестован в своей комиатушке в Граиатном переулке. Через две иедели ему было предъявлеио обвинеиие в коитрреволюциоиной пропаганде (статья 58-10), ои был судим Особым Совещаиием при коллегии ОГПУ и сослаи иа пять лет в поселок Колпашево Томской области. Осеиью того же года после ходатайства артистки Н. А. Обуховой, поэта С. А. Клычкова и, возможио, А. М. Горького ои был переведеи иа поселеиие в Томск, где прожил в роли ссыльиого, в нищете и болезнях, до осеии 1937 года. В октябре 1937 года

поэт сиова был арестоваи н расстрелян. Где ои похоронен — неизвестно. Совсем недавно стали известны подробности дела Николая Клюева, храиящегося в архивах КГБ. Арестован он был за чтеиие на квартирах своей поэмы «Погорельщина», в деле был обиаружен цикл его стихотворений «Разруха». В том же следственном деле сохранился протокол допроса поэта, из которого иельзя не процитировать иесколько отрывков, красноречиво говорящих о велнком мужестве и самоотверженностн, о самопожертвовании и русском священиом патриотизме Нниколая Клюева. Он знал, что своимн ответами подпнсывает себе смертный прнговор, ио, как его пращур Аввакум, предпочел смерть бесчестию и отказу от убеждеиий.

«Осуществляемое при диктатуре пролетариата строительство социализма в СССР окончательно разрушило мою мечту о Древией Русн. Отсюда мое враждебное отношение к политике компартин н Советской власти, иаправлеииой к социалистическому переустройству страны. Практические меропрнятия, осуществляющие эту политику, я рассматриваю, как насилие государства над народом, истекающим кровью и огненной болью».

«Я считаю, что полнтнка нндустрнализации разрушает осиову и красоту русской иародной жизии, причем это разрушенне сопровождается страданиями и гнбелью миллнонов русскнх людей».

«Окончательио рушит осиовы н красоту той русской народной жизнн, певцом которой я и был, проводимая коммуиистической партией коллективизация. Я восприиимаю коллективизацию с мистическим ужасом, как бесовское наваждеиие».

А в письме нз голодной, холодной, лагериой колпашевской ссылки ои пнсал своему ближайшему другу Сергею Клычкову:

«Я сгорел на своей «Погорельщине», как некогда сгорел мой прадед протопоп Аввакум на костре пустозерском. Кровь моя волей или неволей связует две эпохи...»

В одном я только не согласился бы с пророческими словами поэта: сгорел он не только на «Погорельщине», но и на своей истовой любви к матери-России...

* * *

В страстной речи на VI съезде писателей РСФСР Федор Абрамов призвал нас с благодарностью помнить о тысячелетней истории старой деревни: «А что это значит — уходит старая деревня в небытие?— спрашивал он и сам отвечал:— А это значит, рушатся вековые устои, исчезает та многовековая почва, на которой всколосилась вся наша национальная культура, ее этика и эстетика, ее фольклор и литература, ее чудо-язык, ибо, перефразируя известные слова Достоевского, можно сказать: все мы вышли из деревни — наши истоки, наши корни. Деревня — материнское лоно, где зарождается и складывается наш национальный характер».

Михаил Пришвин проницательно заметил, что «наша поэзия происходит из недр природы, когда мы десятки тысячелетий в борьбе за кусок хлеба тесно сближались с ней. Поэзия эта вышла как победа, когда стальной узел необходимости был развязан...». Эта мысль, по-моему, абсолютно точна по отношению к поэзии Николая Клюева, которая сама порой демонстрирует связь «недр природы», «куска хлеба» и, наконец, «слова».

Сготовить деду круп, помочь развесить сети,
Лучину засветить и, слушая пургу,
Как в сказке, задремать на тридевять столетий,
В Садко оборотясь иль в вещего Вольгу.

Связь крестьянской работы с творчеством, перетоки одной стихии в другую, «седых веков наследство, поклон Вам, труд и пот!»— вот чего не понимали гонители Клюева, объявляя его «кулацким поэтом» и забывая о том, что крестьянин «не только у нас, а во всем мире является практиком и реалистом».

Рожество избы (не просто «рождение»!) для Клюева акт больше чем физически материальный: почти религиозный, потому-то он так дерзко сравнивает его с рождением божества, ставя на «святое» место творенье рук человеческих, освященное тысячелетней традицией.

От кудрявых стружек тянет смолью,
Духовит, как улей, белый сруб.
Крепкогрудый плотник тешет колья,
На слова медлителен и скуп.

Тепел паз, захватисты кокоры,
Крутолоб тесовый шоломок.
Будут рябью писаны подзоры
И лудяной выпестрен конек.

Культ материальной жизни у Клюева порой приобретает в его полемике с «нетрудовым» взглядом на культуру крайние формы, упрощающие картину бытия:

Олений гусак сладкозвучнее Глинки,
Стерляжьи молоки Верлена нежней,
А бабкина пряжа, печные тропинки
Лучистее славы и неба святей.

И тем не менее все это говорит о весьма древнем генезисе главных клюевских идей, почерпнутых из океана народных представлений о жизни. Отсюда и неизбежное присутствие во всех даже самых духовно «дистиллированных» стихах «земной тяжести», «житейской заботы», не позволяющей человеку слова забывать о человеке труда, о

стальном узле необходимости, который, если забыть о нем и ослабить сопротивление, тут же начинет завязываться снова... Искусство, по мысли Клюева, есть не забвение этого тяжкого труда, но праздничная передышка во время работы, о которой народу никогда нельзя забывать.

Не удачлив мой путь, тяжек мысленный воз!
Кобылица-душа тянет в луг, где цветы,
Мята слов, древозвук, купина красоты.
Там под Дубом Покоя, накрыты столы,
Пиво Жизни в сулеях, и гости светлы...

Критикуя тяжеловесную, земную, статичную поэтику Клюева, иные литераторы противопоставляют ему «воздушность» Блока, «моцартианство» Есенина, цитируют стихи последнего о Клюеве:

Тебе о солнце не пропеть,
В окошко не увидеть рая.
Так мельница крылом махая,
С земли не может улететь.

Но дело в том, что легкость, грациозность, воздушность, «моцартианство» не исчерпывают целиком многогранность русского художественного гения, создавшего глубинную статику иконописи, тяжеловесную поступь былин, архитектурно-монументальную музыку Мусоргского.

Именно всепоглощающая страсть к заземлению всего идеального, духовного и даже религиозного сводит в поэзии Клюева архангелов, святых, апостолов с горних высот в олонецкую избу, в теплый хлев, чтобы все эти Медосты, Спасы, Митрии, Миколы помогали мужику в его земных нелегких трудах. Шестикрылый Серафим у Клюева не потустороннее существо, а скорее «хозяин», «домовой»:

Ои повадился телке иедужиой
Приносить иа копыто пластырь —
Всей хлевушкн поводырь и пастырь
В ризе непорочно-жемчужной.

Порой святые Клюева напомииают нам языческих богов греческого Олимпа; да и ие только их: людей труда, творцов обыдеииой жизии и красоты ои ставит в одии нкоиостас, в одии красный угол с угодиикамн, апостолами, великомучеиикамн.

Батрак, погоищик, плотник и кузнец
Давио бессмертиы и богам прнчастиы:
Вы оттого печальиы н несчастны,
Что под ярмо ие нудилн крестец,—

пишет Клюев, создавая полный апофеоз труда, столь свойственный русской классике, и полемизируя с представителями декадеитской поэзин начала века.

Свободиый, осозиаиный как иеобходимость труд — ие проклятье, а награда самому себе, естествениое условие человеческого существоваиия, гарантирующее человеку независимость и достоинство,— вот мысль, которой оставался поэт вереи всю жизнь, даже в самые худшие времена, когда, сознательно упрощая его творчество, закрывая глаза иа достоинства и всемерно преувеличивая слабости поэта, критикн писали о нем, как об одиом из «виднейших представителей кулацкого стиля в русской лнтературе». Впрочем, оно и иеудивительно, потому что подобная критика руководствовалась во многом положениями троцкнзма, который всегда видел в крестьяистве классового врага и который всегда стремился преобразовать творческий и свободный труд крестьянина в труд принудительиый, осиоваииый на казармеиных принципах.

Кулацкнм поэтом Клюева иазывалн те, кто в угаре вульгариого социологнзма иеосознаиио либо созиательио подме-

иял эстетнку идеологией, а ииогда и просто сиюмииутиой полнтнкой.

Сергей Есении в своей автобиографни пнсал: «В годы революцин был всецело иа стороие Октября, ио принимал все по-своему, с крестьяиским уклоиом». То же самое мог, видимо, сказать о себе и Клюев, с одной лншь поправкой, что его «уклои» был гораздо круче н «догматичиее», чем уклои есеиииский. Клюев вообще по иатуре был художииком аввакумовского склада. То, что у другого поэта могло быть сомиеиием, предположением, вопросом, у Клюева почти всегда стаиовилось ответом н вырастало до моральиого и эстетического императива.

«Крестьяиский уклои» в принятнн революции у Клюева заключался прежде всего в том, что он приият ее как осуществлеине иародной мечты о божественной справедлнвости, совпадавшей для него со справедливостью социальной.

С простодушной иаивиостью крестьяниина он восклицает в 1917 году:

Хлеб да соль, Костромич н Волынец
Олончанин, Москвич, Сибиряк!
Наша Волюшка — божий гостинец —
Человечеству светлый маяк.

Но случилось так, что прекраснодушиое восторжениое чувство в эпоху разгара классовой борьбы н разрыва времеи, это умилеиие перед будущим оказалось так далеко от реальиой жизни, что раио или поздно дожио было иайти для себя едииствеииый исход — разрешение через трагедию.

И, однако, все не так просто, как изображено в легенде, создаииой о Клюеве после революции рапповскими и пролеткультовскими идеологами. По их утверждениям, «аититехиицизм» поэта был оппозицией новой жизни, социалнзму, техиическому прогрессу. Но борьбу с «железом»

как символом бездуховного стандарта б у р ж у а з н о й цивилизации Клюев начал еще до революции. Антибуржуазный пафос Клюева возникает не «справа», не с позиции вчерашнего патриархально-идиллического времени, а с вечной точки зрения Искусства и гуманизма.

Сын железа и каменной скуки
Попирает берестяный рай.
(1915)

Железный небоскреб, фабричная труба,
Твоя ль, о Родина, потайная судьба!
(1917)

В данном случае у Клюева «железо»— символ всего враждебного жизни, природе, культуре. Надо вспомнить, что мысль такого рода одолевала в то время многих русских поэтов.

Еще одна неправда, которую современная Клюеву критика «навесила» на его творчество, гласила, что вся сказочно-суеверная, мифологически-религиозная часть наследия Клюева — абсолютно реакционна и враждебна новой жизни.

Да, действительно, сказка, миф, причитания, плач — основы клюевской поэтики. Но его страх за их судьбу — есть страх за судьбу Красоты. «Не железом, а красотой купится русская радость»,— говорил Клюев. Красоту же, по его мысли, во времена, враждебные прекрасному, надо спасать самое... И поэт спасает ее средствами поэтического слова:

О, русская доля — кувшинковый волос
И вербная кожа девичьих локтей,
Есть слухи, что сердце твое раскололось,
Что умерли прялки и скрипки лаптей,

Что в куиьем раю громыхает Чнкаго,
И Сирииам в гнезда Парнж заглянул.
Не лжет лн перо, не лукава ль бумага,
Что струнного Спаса пожрал Вельзевул?

Сказки для Клюева — свидетельство жизиениой силы, жизиеродящей земиой воли. Жнва сказка — зиачит, ие нссякли «ложесна бытия».

То, что тендеициозиые критики считалн реакционией сутью поэзин Клюева, было, в сущиости, тоской по красоте и тревогой за ее судьбу.

Все якобы религиозные концепцин мира в творчестве Клюева есть наивная народная сказка — мечта о райской жизии.

Ну разве не сказка картииа похорои матери, перемежаемая великой мечтой о реках молочных с кисельнымн берегами? Журавли, уиосящие душу матери к этим обетоваииым берегам, трубят:

Мы матери душу иесем за моря,
Где солнцеву зыбку качает заря,
Где в красиом покое дубовы столы
От мис с киселем, словио кипеиь, белы.
Там Митрий Солуиский, с Миколою Влас
Святых обряжают в камлот н атлас...

Клюев трагнческн восприиимал всякне свидетельства упадка крестьяиского нскусства и культуры в двадцатом веке — для иего эти факты говорили ие просто о судьбах культуры, ио о вырождеиии самой жизин, ее «зеленого пастбища», тех ее форм, какие поэт счнтал наиболее мощными и иеобходимыми для человечества.

«Древо песии бурею разбито», «А Снрин иа шестке сндит с крылом подбнтым, щипля сусальный пух и сетуя на мир».

Таким же «Сириином» с подбитым крылом чувствовал

себя Клюев в последние годы жизни, полные страшного одиночества. Он «провозгласил анафему» своего времени, но и его, в отместку, исказили и по-своему истолковали суть его поэзии, вытеснили самого из литературной и гражданской жизни, предъявив поэту такие обвинения, за которые он не мог нести ответственность.

Пророческий и проповеднический пафос Клюева к концу жизни иссякает, аввакумовская нетерпимость гаснет, и ей на смену постепенно приходит убеждение, что не поучение и проповедь, не «перст указующий», а «красота спасет мир», что «красотой купится русская радость». Конечно, такая смена мировоззрения для проповедника — поражение и полный крах, но для поэта может стать своеобразной победой. Не потому ли стихи Клюева последних лет зазвучали по-новому. Читая их, я невольно вспомнил размышления Блока о поздней поэзии Пушкина:

«И Пушкина тоже убила вовсе не пуля Дантеса. Его убило отсутствие воздуха. С ним умирала его культура.

Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит,—
это предсмертные вздохи Пушкина и также вздохи культуры пушкинской поры».

Продолжая эту мысль, можно сказать, что Николай Клюев умер, потому что вместе с ним и на его глазах умирала родная ему великая крестьянская культура прошлого, исчезая, словно громадный и сказочный Китеж-град.

«Игуменский окрик», злоба дня, раскольническая гордыня в предсмертных стихах Клюева заметно уступили место гармоничности чувств, лирическому приятию жизни, ощущению ее самоценности. Плетью обуха не перешибешь! Но коли так, то «по жизни радуйтесь со мной...», глядите во все глаза на «зеленое пастбище жизни...».

Не потому ль столь явственно в последних стихах Клюева есенинское благословение миру:

Падает сиег иа дорогу —
Белый ромашковый цвет.
Может, дойду поиемиогу
К окиам, где ласковый свет?
Топчут усталые иоги
Белый ромашковый цвет.
. . . .
Жизиь — океаи миогозвоиный —
Путиику плещет вослед.
Волгу ли, берег ли Роиы —
Все прииимает поэт...
Тихо ложится иа склоиы
Белый ромашковый цвет.

* * *

Клюева хороиили ие раз и друзья и враги... В иные времеиа казалось даже, что жестокий приговор поэта В. Киязева: «Клюев умер. И иикогда уже ие воскресиет: ие может воскресиуть — иечем жить», выиесеииый им в кииге «Ржаиые апостолы» (1924 г.) приговор окончателеи, утверждеи времеием и обжаловаиию ие подлежит.

Отмахиваясь от беспощадио раиящих иападок, поэт в коице двадцатых годов угрюмо оброиил:

Ои жив, олоиецкий ведуи,
Весь от сиегов и вьюжиых струи
Скуластой туидровой луиой
Глядится в яхоит заревой.

...И, однако, в тридцатые, сороковые и даже пятидесятые годы трудио было поверить, что поэзия Клюева еще заставит кого-то задуматься, еще будет издаваться, еще иайдет себе в будущем читателя и исследователя. Слишком уж широкая трещииа прошла между кореииыми идеями времеии и фаитастическим укладом жизии — и иастоящей

и будущей,— который славил и проповедовал со страстью Савоиаролы и Аввакума «олонецкий ведуи». Но «иам не дано предугадать, как иаше слово отзовется»: почти через сорок лет после коичины Клюева поэт Николай Тряпкии вдруг осозиает, что, опровергиув все пророчества, поэзия Николая Клюева, как озимь, постояв положеииый срок под сиегом, выжила, зазелеиела и виовь заставила вспомнить и заговорить о себе:

Где скрылся ои — тот огиепалый стих?
Ои где-то в иас — под иашей тайиой клетью.
Зиать, так живуч смиреииый тот жених —
Сей Аввакум двадцатого столетья!

Ои сам себе был жертва н судья.
Он крепко спнт — крамольиик из Олоица,
Но этот крии, та звоикая струя
Из тех лесов, где столько тьмы и солнца.
. . . .
Пускай придут и вспомннть, и почтить,
И зачерпнуть из древлего колодца...
Мы так его стараемся забыть,
А все забыть инкак ие удается.

За последиее десятилетие к «звонкой струе» поэзии Клюева потяиулись многие. Немало вышло публикаций его стихов, иемало статей, коммеитариев, предисловий...

Последияя прн жизни киига Клюева «Изба и поле» вышла в 1928 году, а следующая — лишь через 50 лет. Полвека забвеиня, иастоящее, а не условное испытаиие времеием, которое лучшая часть клюевского духовиого мира, наделеииого крестьяиской выносливостью и терпеиием, чудом, ио выдержала...

Станислав КУНЯЕВ

Стихотворения и поэмы

* * *

Я надену черную рубаху
И вослед за мутным фоиарем
По камням двора пройду на плаху
С молчаливо-ласковым лицом.

Вспомню маму, крашеиую прялку,
Синий вечер, дрему паутии,
За окиом иочующую галку,
На окне любнмый бальзамии,

Луговин поемиые просторы,
Тишину обкошенной межи,
Облаков жемчужиые узоры
И девичью песенку во ржи:

Узкая полосынька
Клиныщком сошлась —
Не вовремя косынька
На две расплелась!

Развилась по спииушке,
Как льняная плеть,—
Не тебе, детииушке,
Девушкой владеть!

Деревца вилавого
С маху не срубить —
Парня разудалого
Силой не любить!

Белая березынька
Клонится к дождю...
Не кукуй, загозынька,
Про судьбу мою!..

Но прервут куранты крепостные
Песню-думу боем роковым...
Бред души! То заводи речные
С тростником поют береговым.

Сердца сон, кромешный, как могила!
Опустил свой парус рыбарь-день.
И слезятся жалостно и хило
Огоньки прибрежных деревень.

1908

АЛЕКСАНДРУ БЛОКУ

1

Вернть лн песням твонм —
Птицам морского рассвета,—
Будто туманом глухнм
Водная зыбь не одета?

Вышлн нз хнжнны мы,
Смотрнм в морозные дали:
Духи метелн н тьмы
Взморье снегами сковали.

Тщетно тоскующий взгляд
Скал нспытует граниты,—
В ннх лишь родимый фрегат
Грудью зняет разбнтой.

Долго ль обветренный флаг
Будет трепаться так жалко?..
Есть у нас знмннй очаг,
Матерн мерная прялка.

В снежностн сниих ночей
Будем под прялкн жужжанье
Слушать пролет журавлей,
Моря глухое дыханье.

Радость незримо придет,
И над вечерними нами
Тонкой рукою зажжет
Зорь незакатное пламя.

2

Я болен сладостным недугом —
Осенней, рдяною тоской.
Нерасторжимым полукругом
Сомкнулось небо надо мной.

Она везде, неуловима,
Трепещет, дышит и живет:
В рыбачьей песне, в свитках дыма,
В жужжанье ос и блеске вод.

В шуршанье трав — ее походка,
В нагорном эхо — всплески рук,
И казематная решетка —
Лишь символ смерти и разлук.

Ее ли косы смоляные,
Как ветер смех, мгновенный взгляд...
О, кто Ты: Женщина? Россия?
В годину черную собрат!

Поведай: тайное сомненье
Какою казнью искупить,
Чтоб на единое мгновенье
Твой лик прекрасный уловить?

1910

* * *

В златотканые дни сентября
Мнится папертью бора опушка.
Сосны молятся, ладан куря,
Над твоей опустелой избушкой.

Ветер-сторож следы старины
Заметает листвой шелестящей.
Распахни узорочье сосны,
Промелькни за березовой чащей!

Я узнаю косынки кайму,
Голосок с легковейной походкой...
Сосны шепчут про мрак и тюрьму,
Про мерцанье звезд за решеткой.

Про бубенчик в жестоком пути,
Про седые бурятские дали...
Мир вам, сосны, вы думы мои,
Как родимая мать, разгадали!

В поминальные дни сентября
Вы сыновнюю тайну узнайте
И о той, что погибла любя,
Небесам и земле передайте.

1911

* * *

На песню, на сказку рассудок молчит,
Но сердце так странно правдиво,—
И плачет оно, непонятно грустит,
О чем? — знают ветер да ивы.

О том ли, что юность бесследно прошла,
Что поле заплаканно-нище?
Вон серые избы родного села,
Луга, перелески, кладбище.

Вглядись в листопадную странничью даль,
В болот и оврагов пологость,
И сердцу-дитяти утешной едва ль
Почуется правды суровость.

Потянет к загадке, к свирельной мечте,
Вздохнуть, улыбнуться украдкой
Задумчиво-нежной небес высоте
И ивам, лепечущим сладко.

Примирится чертогом — покров шалаша,
Колдуньей лесной — незабудка,
И горько в себе посмеется душа
Над правдой слепого рассудка.

1911

* * *

Я обещаю вам сады...
К. Бальмонт

Вы обещали нам сады
В краю улыбчиво-далеком,
Где снедь — волшебные плоды,
Живым питающие соком.

Вещали вы: «Далеких зла,
Мы вас от горестей укроем,
И прокаженные тела
В ручьях целительных омоем».

На зов пошли: Чума, Увечье,
Убийство, Голод и Разврат,
С лица — вампиры, по наречью —
В глухом ущелье водопад.

За ними следом Страх тлетворный
С дырявой Бедностью пошли,—
И облетел ваш сад узорный,
Ручьи отравой потекли.

За пришлецами напоследок
Идем неведомые Мы,—
Наш аромат смолист и едок,
Мы освежительней зимы.

Вскормили нас ущелий недра,
Вспоил дождями небосклон,
Мы — валуны, седые кедры,
Лесных ключей и сосен звон.

1910

* * *

Сготовить деду круп, помочь развесить сети,
Лучину засветить и, слушая пургу,
Как в сказке, задремать на тридевять столетий,
В Садко оборотясь иль в вещего Вольгу.

«Гей, други! Не в бою, а в гуслях нам удача,—
Соловке-игруну претит вороний грай...»
С полатей смотрит Жуть, гудит, как било, Лаче,
И деду под кошмой приснился красный рай.

Там горы-куличи и сыченые реки,
У чаек и гагар по мисе яйцо...
Лучина точит смоль, смежив печурки-веки,
Теплынью дышит печь — ночной избы лицо.

Но уж рыжеет даль, пурговою метлищей
Рассвет сметает темь, как из сусека сор,
И слышно, как сова, спеша засесть в дуплище,
Гогочет и шипит на солнечный костер.

Почуя скитный звон, встает с лежанки бабка,
На ней пятно зари, как венчик у святых,
А Лаче ткет валы размашисто и хлябко,
Теряяся во мхах и в далях ветровых.

1912

* * *

Радость видеть первый стог,
Первый сноп с родной полоски,
Есть отжиночный пирог
На меже, в тени березки,

Знать, что небо ввечеру
Над избой затеплит свечки,
Лики ангелов в бору
Отразят лесные речки.

Счастье первое дитя
Усыплять в скрипучей зыбке,
Темной памятью летя
В край, где песни и улыбки.

Уповать, что мир потерь
Канет в сумерки безвестья,
Что, как путник, стукнет в дверь
Ангел с ветвью благовестья.

1913

* * *

Теплятся звезды-лучинки,
В воздухе марь и теплынь,—
Веселы будут отжинки,
В скирдах духмяна полынь.

Спят за омежками риги,
Роща — пристанище мглы,
Будут пахучи ковриги,
Зимние избы теплы.

Минет пора обмолота,
Пуща развихрит листы,—
Будет добычна охота,
Лоски на слищах холсты.

Месяц засветит лучинкой,
Скрипнет под лаптем снежок...
Колобы будут с начинкой,
Парень матер и высок.

1913

* * *

Обозвал тишину глухоманью,
Надругался над белым «молчи»,
У креста простодушною данью
Не поставил сладимой свечи.

В хвойный ладан дохнул папиросой
И плевком незабудку обжег.
Зарябило слезинками плесо,
Сединою заиндевел мох.

Светлый отрок — лесное молчанье,
Помолясь на заплаканный крест,
Закатилось в глухое скитанье
До святых, незапятнанных мест.

Заломила черемуха руки,
К норке путает след горностай...
Сын железа и каменной скуки
Попирает берестяный рай.

1915

РОЖЕСТВО ИЗБЫ

От кудрявых стружек тянет смолью,
Духовнт, как улей, белый сруб.
Крепкогрудый плотннк тешет колья,
На слова медлителен и скуп.

Тепел паз, захватисты кокоры,
Крутолоб тесовый шоломок.
Будут рябью писаны подзоры
И лудяикой выпестреи коиек.

По стеие, как зерииь, пройдут зарубкн:
Сукрест, лапкн, крапица, рядки,
Чтоб избе-молодке в красиой шубке
Явь и сонь мерещились — легки.

Крепкогруд строитель-тайновидец,
Перед инм щепа как письмена:
Запоет резиая пава с крылец,
Брызиет ярь с наличника окна.

И когда оческами кудели
Над избой взлохматится дымок —
Сказ пойдет о красиом древоделе
По лесам, на запад н восток.

1915

ИЗ ЦИКЛА «ИЗБЯНЫЕ ПЕСНИ»

Памяти матери

* * *

Четыре вдовицы к усопшей пришли...
(Крича, бороздили лазурь журавли,
Сентябрь-скопидом в котловин сундуки
С сынком-листодером ссыпал медяки).

Четыре вдовы в помнильных платках:
Та с гребнем, та с пеплом, с рядниной в руках;
Пришли, положили поклон до земли,
Опосле с ковригою печь обошли,
Чтоб печка-лебедка, бела и тепла,
Как дóпрежь, сытовые хлебы пекла.

Посыпали пеплом на куричий хвост,
Чтоб немочь ушла, как мертвец, на погост,
Хрущатой рядниной покрыли скамью,
На одр положили родитель мою.

Как ель под пилою, вздохнула изба,
В углу зашепталася теней гурьба,
В хлевушке замукал сохатый телок,
И вздулся, как парус, на грядке платок...
Дохнуло молчанье... Одни журавли,
Как витязь победу, трубили вдали:

«Мы матери душу несем за моря,
Где солнцеву зыбку качает заря,
Где в красном покое дубовы столы

От мис с киселем, словно кипень, белы.
Там Митрий Солунский, с Миколою Влас
Святых обряжают в камлот и атлас,
Креститель-Иван с ендовы расписной
Их поит живой иорданской водой!..»

Зарделось оконце... Закат-золотарь
Шасть в избу незваный: принес-де стихарь —
Умершей обнову, за песни в бору,
За думы в рассветки, за сказ ввечеру,

А вынос блюсти я с собой приведу
Сутемки, зарянку и внучку-звезду,
Скупцу ж листодеру чрез мокреть и гать
Велю золотые ширинки постлать.

* * *

Шесток для кота — что амбар для попа,
К нему не заглохнет кошачья тропа:
Зола как перина — лежи, почивай,—
Приснятся снетки, просяной каравай.

У матери-печи одно на уме:
Теплынь уберечь да всхрапнуть в полутьме;
Недаром в глухой, свечеревшей избе,
Как парусу в вёдро, дремотно тебе.

Ой, вороны-сизы, у невесты моей
Не выклевать вам беспотемных очей!
Летите к мурлыке, на теплый шесток,
Куда не заглянет прожорливый рок,

Где странники-годы почили золой,
И бесперечь хнычет горбун-домовой;
Ужели плакида, запечный жилец,
Почуял разлуку и сказки конец?

Кота ж лежебока будите скорей,
Чтоб был настороже у чутких дверей,
Мяукал бы злобно и хвост распушил,
На смерть трясогузую когти острил!

* * *

В селе Красный Волок пригожий народ:
Лебедушки девки, а парни как мед,
В моленных рубахах, в беленых портах,
С малиновой речью на крепких губах;

Старухи в долгушках, а деды — стога,
Их россказни внукам милей пирога:
Вспушатся усищи, и киноварь слов
Выводит узоры пестрей теремов.

Моленна в селе — семискатный навес:
До горнего неба семь нижних небес,
Ступенчаты крыльца, что час, то ступень,
Всех двадцать четыре — заутренний день.

Рундук запорожный — пречудный Фавор,
Где плоть убелится, как пена озер.
Бревенчатый короб — утроба кита,
Где спасся Иона двуперстьем креста.

Озерная схима и куколь лесов
Хоронят село от людских голосов.
По Пятничным зорям на хартии вод
Всевышние притчи читает народ:

«Сладчайшего гостя готовьтесь принять!
Грядет он в нощи, яко скимен и тать;
Будь парнем женатый, а парень как дед...»

Полощется в озере маковый свет,
В пеганые глубн уходит столбом
До сердца земного, где праотцов дом.

Там, в саванах бледных, соборы отцов
Ждут радужных чаек с родных берегов:
Летят онн с вестью, судьбы бирючи,
Что попрана Бездна и Ада ключи.

1914—1916

ЗЕМЛЯ И ЖЕЛЕЗО

1

Есть горькая супесь, глухой чернозем,
Смиренная глина и щебень с песком,
Окунья земля, травяная медынь,
И пегая охра, жилица пустынь.

Меж тучных, глухих и скудельных земель
Есть матерь-земля, бытия колыбель,
Ей пестун судьба, вертоградарь же — бог,
И в сумерках жизни к ней нету дорог.

Лишь дочь ее, Нива, в часы бороньбы
Как свиток являет глаголы судьбы,—
Читает их пахарь, с ним некто Другой,
Кто правит огнем и мужицкой душой.

Мы внуки земли и огню родичи,
Нам радостны зори и пламя свечи,
Язвит нас железо, одежд чернота,—
И в памяти нашей лишь радуг цвета.

В кручине по крыльям, пригожих лицом
Мы «соколом ясным» и «павой» зовем.
Узнайте же ныне: на кровле конек
Есть знак молчаливый, что путь наш далек.

Изба — колесница, колеса — углы,
Слетят серафимы из облачной мглы,
И Русь избяная — несметный обоз! —
Вспарит на распутье взывающих гроз...

Сметутся народы, иссякнут моря,
Но будет шелками расшита заря,—
То девушки наши, в помннок векам,
Расстелют ширинки по райским лугам.

2

У розвальней — норов, в телеге же — ум,
У карего много невыржанных дум.

Их ведает стойло да дед-дворовик,
Что кажет лишь твари мерцающий лик.

За скотьей вечерней в потемках хлева,
Плачевнее ветра овечья молва.

Вздыхает каурый, как грешный мытарь:
«В лугах твоих буду ли, Отче и Царь?

Свершатся ль мои подъяремные сны,
И, взвихрен, напьюсь ли небесной волны?..»

За конскою думой кому уследить?
Она тишиною спрядается в нить.

Из нити же время плетет невода,
Чтоб выловить жребий, что светел всегда.

Прообраз всевышних крылатых коней —
Смиренный коняга, страж жизни моей.

С ним радостней труд, благодатней посев,
И смотрит ковчегом распахнутый хлев.

Взыграет прибой, и помчится ковчег,
Под парусом ясным, как тундровый снег.

Орлом огнезобым взметнется мой конь,
И сбудется дедов дремучая сонь!

3

Звук ангелу собрат, бесплотному лучу,
И недруг топору, потемкам и сычу.
В предсмертном «ы-ы-ы!..» таится полузвук,
Он каплей и цветком уловится, как стук.
Сорвется капля вниз, и вострепещет цвет,
Но трепет не глагол, и в срыве звука нет.

Потемки с топором и правнук ночи — сыч
В обители лесов поднимут хищный клич,
Древесной кровли дух дойдет до божьих звезд,
И сирины в раю слетят с алмазных гнезд,
Но крик железа глух и тяжек, как валун,
Ему не свить гнезда в блаженной роще струн.

Над зыбкой, при свече, старуха запоет,
Дитя, как злак росу, впивает певчий мед,
Но древний рыбарь-сон, чтоб лову не скудеть,
В затоне тишины созвучьям ставит сеть.

В бору, где каждый сук — моленная свеча,
Где хвойный херувим льет чашу из луча,
Чтоб напоить того, кто голос уловил
Кормилицы мирской и пестуньи могил,
Там, отроку-цветку лобзание даря,
Я слышал, как заре откликнулась заря,
Как вспел петух громов и в вихре крыл возник,
Подобно рою звезд, многоочитый лик...

Миг выткал пелеиу, видеиие темия,
Но иекая свирель томит с тех пор меия;
Я видел звука лик и музыку постиг,
Даря уста цветку, без ваших ржавых кииг!

4

Где пахиет кумачом — там бабьи посиделки,
Медыиью и сурьмой — девичий городок...
Как пряжа, мереи деиь, и солиечиые белки,
Покииув райский бор, уселись иа шесток.

Беседиая изба — подобие вселеииой:
В ией шолом — иебеса, полати — Млечиый Путь,
Где кормчему уму, душе миогоплачевиой
Под веретеииый клир усладио отдохиуть.

Неизречеиеи дух и несказаииа тайиа
Двух чаш, двух свеч, шести очей и крыл!
Беседиая изба на свете ие случайиа —
Оиа Судьбы лицо, преддверие могил.

Мужицкая душа, как кедр зелеио-темный,
Причастье божьих рос неутолимо пьет:
О, радость — быть простым, носить кафтан
поскоиный
И тельиик иа груди, сладимей диких сот!

Индийская земля, Египет, Палестиия —
Как олово в сосуд, отлились в иаши сиы.
Мы братья облаков, и саваиа холстина —
Наш вериый поводырь в обитель тишииы.

1916

* * *

Где рай финифтяный и Сирин
Поет на ветке расписной,
Где Пушкин говором просвирен
Питает дух высокий свой,

Где Мей яровчатый, Никитин,
Велесов первенец Кольцов,
Туда бреду я, ликом скрытен,
Под ношей варварских стихов.

Когда сложу свою вязанку
Сосновых слов, медвежьих дум?
«К костру готовьтесь спозаранку»,—
Гремел мой прадед Аввакум.

Сгореть в метельном Пустозерске
Или в чернилах утонуть?
Словопоклонник богомерзкий,
Не знаю я, где орлий путь.

Поет мне Сирин издалеча:
«Люби, и звезды над тобой
Заполыхают красным вечем,
Где сердце — колокол живой».

Набат сердечный чует Пушкин —
Предвечных сладостей поэт...
Как яблоновые макушки,
Благоухает звукоцвет.

Он в белой букве, в алой строчке,
В фазаньи-пестрой запятой.
Моя душа, как мох на кочке,
Пригрета пушкинской весной.

И под лучом кудряво-смуглым
Дремуча глубь торфяников.
В мозгу же, росчерком округлым,
Станицы тянутся стихов.

1916

* * *

Поэту Сергею Есенину

Оттого в глазах моих просинь,
Что я сын Великих Озер.
Точит сизую киноварь осень
На родной, беломорский простор.

На закате плещут тюлени,
Загляделся в озеро чум...
Златороги мои олени —
Табуны напевов и дум.

Потянуло душу, как гуся,
В голубой полуденный край;
Там Микола и Светлый Исусе
Уготовят пшеничный рай!

Прихожу. Вижу избы — горы,
На водах — стальные киты...
Я запел про синие боры,
Про сосновый звон и скиты.

Мне ученые люди сказали:
«К чему святые слова?
Укоротьте поддевку до талии
И обузьте у ней рукава!»

Я заплакал Братскими Песиямн,
Порешилн: «В рифме ие смел!»
Зажурчал я ручьями полесиыми
И Лесиые Были пропел.

В поучеиие дали мие Игоря
Северяинна пудреиый том.
Сердце поняло: заживо выгорят
Те, кто смерти задет крылом.

Лихолетья часы железиые
Возвестили войиы пожар,
И Мнрские Думы болезиые
Я прниес отчизне, как дар.

Рассказал, как еловые куколи
Осеняют солдатскую мать,
И бумажные дятлы загукалн:
«Не поэт он, а буквенный тать!

Русь Христа променяла иа Платовых,
Рай мужицкий — ребяческий бред...»
Но с рязанских полей коловратовых
Вдруг забрезжил конопляиый свет.

Ждалн хама, глупца иепотребного,
В спинжаке, с кулаками в арбуз,—
Даль повыслала отрока вербиого
С голоском слаще девичьнх бус.

Ои поведал про сумерки карие,
Про стога, про отжнночиый сиоп;
Зашипели газеты: «Татария!
И Есенни — поэт-юдофоб!»

О, бездушное книжное мелево,
Ворон ты, я же тундровый гусь!
Осеняет Словесное дерево
Избяную, дремучую Русь!

Певчим цветом алмазно заиндевел
Надо мной древословный навес,
И страна моя, Белая Индия,
Преисполнена тайн и чудес!

Жизнь-Праматерь заутрени росные
Служит птицам и правды сынам;
Книги-трупы, сердца папиросные —
Ненавистный Творцу фимиам!

1917

* * *

Пушистые горностаевые зимы,
И осеин глубокие, как схима.
На полатях трезво уловимы
Звезд гармошкн н полет серафнма.

Ои повадился телке иедужиой
Приносить на копыто пластырь —
Всей хлевýшки поводырь и пастырь
В рнзе непорочно-жемчужной.

Телка ж бурая, с добрым иосом
И с молочным, младенческим взором...
Кружит врачеватель альбатросом
Над нзбой, над лысым косогором.

В теле буйство вешних перелесков:
Под ногтями птахи гнезда вьют,
В алой пене от сердечных плесков
Осетры яитариые снуют.

И иа пупе, как иа гребне хаты,
Белый аист, словно в свитке пан.
На рубахе же оазнсы-заплаты,
Где опалый фиинк н шафран.

Где араб в шатре чериотканом,
Русскнх звезд позиав глубниу,
Славнт думой, говором гортанным,
Пестрядную, светлую страиу.

1917

МОЛИТВА СОЛНЦУ

Солнышко-светик! Согрей мужика...
В сердце моем гробовая тоска.
Братья мои в непомерном бою
Грудь подставляют штыку да огню.
В белой избе только холод да труд,
Русские реки слезами текут!
Пятеро нас, пять червленых щитов
Русь бороним от заморских врагов:
Петра, Ляксандра, Кудрявич Митяй,
Федя-Орленок, да я — Миколай.
Старший братан, как полесный медведь,
Мял, словно лыко, железо и медь;
Братец Ляксандр — бородища снопом —
Пахарь Господний, вскормленный гумном.
Митя-Кудрявич, волосья как мед,
Ангелом стал у небесных ворот;
Рана кровавая точит лучи.
Сам же светлее церковной свечи.
Федюшка-цветик, осьмнадцать годков,
Сгиб на Карпатах от вражьих штыков.
Сказывал взводный: где парень убит,
Светлой слезинкой лампадка горит.
В волость бумага о смерти пришла;
Мать о ту пору куделю пряла,
Нитка порвалась... Куделя, как кровь...
Много на нашем погосте крестов! —
Новый под елью, как сторож, стоит,

Ладаном ель над родимой кадит.
Петрова баба, что лебедь речной,
Косы в ладонь, сарафан расшитой,
Мужа кончину без слез приняла,
Только свечу пред божницей зажгла.
Ночью осенней, под мелким дождем,
Странницей-нищей ушла с посошком...
Бают крещеные: «В дальнем скиту
Схимница есть, у святых на счету,
Поступь лебяжья, а схима по бровь...»
Ой, велика ты, мужичья любовь!
Солнышко-светик! Согрей мужика!
Русская песня, что Волга-река!
Катится в море, где пена да синь...
Песне моей не сказать ли: «Аминь»?
Русь не вместить в человечьи слова:
Где ты, небес громовая молва,
Гул океана и гомон тайги!..
Сердце свое, человек, береги!
Озеро-сердце, а Русь, как звезда,
В глубь его смотрит всегда!

1917

ПЕСНЬ СОЛНЦЕНОСЦА

Три огненных дуба на пупе земном,
От них мы три желудя-солнца возьмем:
Лазоревым — облачный хворост спалим,
Павлиньим — грядущего даль озарим,
А красное солнце — мильонами рук
Подымем над миром печали и мук.
Пылающий кит взбороздит океан,
Звонарь преисподний ударит в Монблан,
То колокол наш — непомерный язык,
Из рек бечеву свил архангелов лик.
На каменный зык отзовутся миры,
И демоны выйдут из адской норы,
В потир отольются металлов пласты,
Чтоб солнца вкусили народы-Христы.
О демоны-братья, отпейте и вы
Громовых сердец, поцелуйной молвы!
Мы — рать солнценосцев на пупе земном —
Воздвигнем стобашенный, пламенный дом:
Китай и Европа, и Север и Юг
Сойдутся в чертог хороводом подруг,
Чтоб Бездну с Зенитом в одно сочетать.
Им бог — восприемник, Россия же — мать.
Из пупа вселенной три дуба растут:
Премудрость, Любовь и волхвующий Труд...
О, молот-ведун, чудотворец-верстак,
Вам ладан стиха, в сердце сорванный мак,
В ваш яростный ум, в многострунный язык

Я пчелкою-рифмой, как в улей, проник,
Дышу восковиной, медыњю цветов,
Сжигающих Индий и Волжских лугов!..
Верстак — Назарет, наковальня — Немврод,
Их слил в песнозвучье родимый народ:
«Вставай, подымайся» и «Зелен мой сад» —
В кровавом окопе и в поле звучат...
«Вставай, подымайся»,— старуха поет,
В потемках телега и петли ворот,
За ставнем береза и ветер в трубе
Гадают о вещей народной судьбе...

Три желудя-солнца досталися нам —
Засевный подарок взалкавшим полям:
Свобода и Равенство, Братства венец —
Живительный выгон для ярых сердец.
Тучнейте, отары голодных умов,
Прозревший телицы и кони стихов!
В лесах диких грив, звездных рук и вымян
Крылатые боги раскинут свой стан,
По струнным лугам потечет молоко,
И певчей калиткою стукнет Садко:
«Пустите Баяна — Рублевскую Русь,
Я тайной умоюсь, а песней утрусь,
Почестному пиру отвешу поклон,
Румянее яблонь и краше икон:

Здравствуешь, Волюшка-мать,
Божьей Земли благодать,
Белая Меря, Сибирь,
Ладоги хлябкая ширь!

Здравствуйте, Волхов-гусляр,
Степи Великих Бухар,
Синий моздокский туман.
Волга и Стенькин курган!

Чай стосковались по мне,
Красной поддонной весне,
Думали — злой водяник
Выщербил песенный лик?

Я же — в избе и в хлеву
Ткáл золотую молву,
Сирин мне вести носил
С плах и бескрестных могил.

Рушайте ж лебедь-судьбу,
В свои осластите губу,
Киева сполох-уста
Пусть воссияют, где Мста.

Чмок городов и племен
В лике моем воплощен,
Я — песноводный жених,
Русский яровчатый стих!»

1917

ЛЕНИН

Есть в Ленине керженский дух,
Игуменский окрик в декретах,
Как будто истоки разрух
Он ищет в «Поморских ответах».

Мужицкая ныне земля,
И церковь — не наймит казенный,
Народный испод шевеля,
Несется глагол краснозвонный.

Нам красная молвь по уму:
В ней пламя, цветенье сафьяна,—
То Черной Неволи басму
Попрала стопа Иоанна.

Борис, златоордный мурза,
Трезвонит Иваном Великим,
А Лениным — вихрь и гроза
Причислены к ангельским ликам.

Есть в Смольном потемки трущоб
И привкус хвои с костяникой,
Там нищий колодовый гроб
С останками Руси великой.

«Куда схоронить мертвеца»,—
Толкует удалых ватага...
Поземкой пылит с Коневца,
И плещется взморье-баклага.

Спросить бы у тучки, у звезд,
У зорь, что румянят ракиты...
Зловещ и пустынен погост,
Где царские бармы зарыты.

Их ворон-судьба стережет
В глухих преисподних могилах...
О чем же толкует народ
В напевах татарско-унылых?

1918

* * *

Не хочу коммуны без лежанки,
Без хрустальной песенки углей!
В стихотворной тягостной вязанке
Думный хворост, буреломник дней.

Не свалить и в Красную Газету
Слов щепу, опилки запятых,
Ненавистен мудрому поэту
Подворотный, тявкающий стих.

Лучше пунш, чиновничья гитара,
Под луной уездная тоска.
Самоцвет и пестрядь Светлояра
Взбороздила шрифтная река.

Не поет малиновкой лучина,
И Садко не гуслит в ендове.
Не в тюрбанах гости из Берлина
Приплывут по пляске и молве.

Их дары — магнит и град колбасный,
В бутербродной банке Парсифаль,
Им навстречу, в ферязи атласной,
Выйдет Лебедь — русская печаль.

И атлас с варяжскою кольчугой
Обручится вновь, сольет уста...
За безмерною зырянской вьюгой
Купина горящего куста.

То моя заветная лежанка,
Караванный аравийский шлях,—
Неспроста нубийка и славянка
Ворожат в олонецких стихах.

1918

* * *

Владимиру Кириллову

Мы — ржаные, толоконные,
Пестрядинные, запечные,
Вы — чугунные, бетонные,
Электрические, млечные.

Мы — огонь, вода и пажити,
Озимь, солнца пеклеванные,
Вы же тайн не расскажете
Про сады благоуханные.

Ваши песни — стоны молота,
В них созвучья — шлак и олово;
Жизни дерево надколото,
Не плоды на нем, а головы.

У подножья кости бранные,
Черепа с кромешным хохотом;
Где же крылья ураганные,
Поединок с мечным грохотом?

На святыни пролетарские
Гнезда вить слетелись филины;
Орды книжные, татарские,
Шестернею не осилены.

Кнут и кивер аракчеевский,
Как в былом, иа троне буквеином
Сои кольцовский, терем меевский
Утоиули в море клюквеииом.

Ваша кровь водой разбавлена
Из источиика бумажиого,
И змея ие обезглавлеиа
Песней витязя отважного.

Мы — ржаные, толокониые,
Зиаем Слово алатыриое,
Чтобы крылья громобойиые
Вас умчали во всемнрное,

Там изба свирельиым шоломом
Множит отзвуки павлииные...
Не глухим, бездушным оловом
Мнр связать в сиопы овииные.

Воск с медыиью яблоиовою —
Адамаит в словостроеиии,
И цвести над Русью новою
Будут гречневые гении.

1918

ЖЕЛЕЗО

Безголовые карлы в железе живут,
Заплетают тенета и саваны ткут,
Пишут свиток тоски смертоносным пером,
Лист убийства за черным измены листом.
Шелест свитка и скрежет зубила-пера
Чуют Сон и Раздумье, Дремота-сестра...
Оттого в мире темень, глухая зима,
Что вселенские плечи болят от ярма,
От железной пяты безголовых владык,
Что на зорю плетут власяничный башлык,
Плащаницу уныния, скуки покров,
Невод тусклых дождей и весну без цветов!

Громоносные духи в железе живут:
Мощь с Ударом, с Упругостью девственный Труд,
Непомерна их ласка и брачная ночь...
Человеческий род до объятий охоч,
И горючие перси влюбленных машин
Для возжаждавших стран словно влага долин:
Из магнитных ложесн огневой баобаб
Ловит звездных сорок краснолесьями лап.
И стрекочут сороки: «В плену мы, в плену...»
Допросить бы мотыгу и шахт глубину,
Где предсердие руд, у металла гортань,
Чтобы песня цвела, как в апреле герань,
Чтобы млечным огнем серебрилась строка,
Как в плотинные токи лесная река,
И суровый шахтер по излукам стихов
Наловил бы певучих гагар и бобров.

1919

* * *

Маяковскому грезится гудок над Зимним,
А мне журавлиный перелет и кот на лежанке.
Брат мой несчастный, будь гостеприимным:
За окном лесные сумерки, совиные зарянки!

Тебе ненавистна моя рубаха,
Распутинские сапоги с набором,—
В них жаворонки и грусть монаха
О белых птицах над морским простором.

В каблуке в моем — терем Кащеев,
Соловей-разбойник поныне,—
Проедет ли Маркони, Менделеев,
Всяк оставит свой мозг на тыне.

Всякий станет песней в ночевке,
Под свист костра, над излучиной сивой;
Заблудиться в моей поддевке
«Изобразительным искусствам» не диво.

В ней двенадцать швов, как в году високосном,
Солноповороты, голубые пролетья,
На опушке по сафьяновым соснам
Прыгают дятлы и белки — столетья.

Иглокожим, головоногим претят смоль и черника,
Тетеревиные токи в дремучих строчках.
Свете тихий от народного лика
Опочил на моих запятых и точках.

Простой как мычание, и облаком в штанах
казинетовых
Не станет Россия — так вещает Изба.
От мереж осетровых и кетовых
Всплески рифм и стихов ворожба.

Песнотворцу ль радеть о кранах подъемных,
Прикармливать воронов — стоны молота?
Только в думах поддонных, в сердечных домнах
Выплавится жизни багряное золото.

1919

* * *

Сергею Есенину

В степи чумацкая зола —
Твой стнх, гордынею остужен;
Из мыловарного котла
Тебе не выловить жемчужин.

И груз «Кобыльнх кораблей» —
Обломкн рнфм, хромые стопы.
Не с Коловратовых полей
В твоем венке гелнотропы,—

Их поливал Мариенгоф
Кофейной гущей с иикотииом...
От оклеветанных голгоф —
Тропа к нудииым осниам.

Скорбнт рязаиская земля,
Седея просом н гречихой,
Что, соловьиный сад трепля,
Парит есенинское лихо.

Оно как стая вороият
С нечистым граем, с жадным зобом,
И опадает песин сад
Над материнским строгим гробом.

В гробу пречистые персты,
Лапотцы с посохом железным,—
Имажинистские цветы
Претят очам многоболезным.

Словесный брат, внемли, внемли
Стихам — берестяным оленям:
Олонецкие журавли
Христосуются с «Голубенем».

«Трерядница» и «Песнослов» —
Садко с зеленой водяницей,
Не счесть певучих жемчугов
На нашем детище — странице.

Супруги мы... В живых веках
Заколосится наше семя,
И вспомнит нас младое племя
На песнотворческих пирах.

1920

* * *

Я знаю, родятся песни —
Телки у пегих лосих,—
И не будут звезды чудесней,
Чем Россия и вятский стих!

Города Изюмец, Чернигов
В словозвучье сладость таят...
Пусть в стихе запылает Выгов,
Расцветет хороводный сад.

По заставкам Волга, Онега
С парусами, с дымом костров!..
За морями стучит телега,
Беспощадных мча седоков.

Черный уголь, кудесный радий,
Пар-возница, гулеха-сталь
Едут к нам, чтобы в Китеж-граде
Оборвать изюм и миндаль.

Чтобы радужного Рублева
Усадить за хитрый букварь...
На столетье замкнется снова
С драгоценной поклажей ларь.

В девяносто девятое лето
Заскрипит заклятый замок,
И взбурлят рекой самоцветы
Ослепительных вещих строк.

Захлестнет певучая пена
Холмогорье и Целебей,
Решетом наловится Вена
Серебристых слов-карасей!

Я взгляну могильной березкой
На безбрежность песенных нив,
Благовонной зеленой слезкой
Безымянный прах окропив.

1920

* * *

Стариком, в лохмотья одетым,
Прнтащусь к домовой ограде...
Я был когда-то поэтом,
Подайте на хлеб Хрнста ради!

Я скоротал все проселки,
Придорожные пни н камни...
У горничной в плоеной иаколке
Боязливо спрошу: «Куда мие?»

В углу шарахнутся трости
От моей обветренной палки,
И хихикнут на деда-гостя
С дорогой картииы русалкн.

За стеиою Кто и Не зиаю
Закинут невод в Чужое...
И вернусь я к нищему раю,
Где Бог и Древо печиое.

Под смоковницей солодовой
Умолкну, как Русь, иавеки...
В мое бездоииое слово
Канут моря и реки.

Домовину оплачет баба.
Назовет кормильцем и ладой...
В листопад рябины и граба
Уныла дверь за оградой.

За дверью пустые сени,
Где бродит призрак костлявый.
Хозяин Сергей Есенин
Грустит под шарманку славы.

1922

НЕРУШИМАЯ СТЕНА

Рогатых хозяев жизии
Хрипом иочиых ветров
Приказаио златоризией
Одеть в жемчуга стихов.

Ну что же? — Не будет голым
Тот, кого проклял бог,
И ведьма с мызглым подолом —
Софией Палеолог!

Кармииом, ие мусикией
Подвéдеи у ведьмы рот...
Ужель погас иад Россией
Сирииовый полет?!

И гиездо в безиосой пивиушке
Златорогий свил Китоврас!..
Не в чулке ли иянииом Пушкии
Обрел певучий Кавказ?

И ие Веткой ли Палестииы
Деревеиские дни цвели,
Когда ткал я пестрей рядииы
Мои думы и сны земли,

Когда пела за прялкой мама
Про лопарский олений рай.
И сверчком с нзбяною Камой
Аукался Парагвай?

Ах, и лермонтовская ветка
Не пустила в душу корией!..
Пусть же зябликом напоследках
Звеиит самопрялка дней.

Может выпрядется родное —
Звои успеиский, бебряи рукав!..
Не дожди — кобыльи удои
Истекли в бурдюки отав.

То пресветлому князю Батый
Преподиес погаиый кумыс,—
Полоиянкой тверские хаты
Опустилн ресницы вииз.

И рыдая о милых близях,
В заревой коиопель н шелк
Душу Ру́си на крыльях сизых
Журавлиный возноснт полк.

Вознесенье Матери правя,
Мы за плугом и за стихом
Лик Оранты, как образ славнй,
Нерушимой Стеной зовем.

1921—1922

* * *

Когда осыпаются липы
В раскосый и рыжий закат,
И кличет хозяйка «цып, цыпы»
Осенних зобастых курят,
На грядках лысато и пусто,
Вдовеет в полях борозда,
Лишь пузом упругим капуста,
Как баба обновкой, горда.
Ненастна воронья губернья.
Ущербные листья — гроши.
Тогда предстают непомерней
Глухие проселки души.
Мерещится странником голос,
Под вьюгой, без верной клюки.
И сердце в слезах раскололось
Дуплистой ветлой у реки.
Ненастье и косит, и губит
На кляче ребрастой верхом,
И в дедовском кондовом срубе
Беда покумилась с котом.
Кошачье «мяу» в половицах,
Простужена старая печь.
В былое ли внуку укрыться
Иль в новое мышкой утечь?!
Там лета грозóвые кони,
Тучны золотые овсы...
Согреть бы, как душу, ладони
Пожаром девичьей косы.

1932

* * *

Моей чародейной
современнице артистке
Надежде Андреевне Обуховой

Баюкало тебя райское древо
Птицей самоцветною — девой,
Ублажала ты песней царя Давида,
Он же гуслями вторил взрыдам.
Таково пресладостно пелось в роще,
Где ручей поцелуями ропщет,
Виноградье да яхонты-дули,
И проснулась ты в русском июле:
«Что за край, лесная округа?»
Отвечают: «Кострома да Калуга!»
Протерла ты глазыньки рукавом
кисейным,
Видишь: яблоня в плату златовейном!
Поплакала с сестрицей, пожурилась
Да и пошла белицей на клирос.
Таяла, как свеченька, полыхая веждой,
И прослыла в людях Обуховой Надеждой.
А мы, холуи, зенки пялим,
Не видим, что Сирин в бархатной зале,
Что сердце райское под белым тюлем
Обожжено грозовым июлем,
Лесными пожарами, гладом да мором,
Кручинится по синим небесным озерам —
То Любашей в «Царской невесте»,
То Марфой в огненном благовестьи.
А мы, холуи, зенки пялим,
Не видим крыл в заревом опале,
Не слышим гуслей царя Давида
За дымом да слезами горькой панихиды.
Пропой нам, сестрица, кого погребаем

В Костромском да Рязанском крае?
Ответствует нам краса Любаша:
Это русская долюшка наша,
        Голова на коле,
        Косынька в петле,
        Перстенек на
        Хвалынском дне.
                        Аминь.

1932

* * *

Павлу Васильеву

Я человек, рожденный не в боях,
А в горенке с муравленою печкой,
Что изразцовой пестрою овечкой
Пасется в дреме, супрядках и снах
И блеет сказкою о лунных берегах,
Где невозвратнее, чем в пуще хвойный прах,
Затеряно Светланино колечко!
Вот почему янчком в теплом пухе
Баюкая ребячий аромат,
Ныряя памятью, как ласточки в закат,
В печную глубину краюхи,
Не вернишь желтокожей голодухе,
Что кровью вытечет сердечный виноград!
Ведь сердце — сад нехоженый, немятый!
Пускай в калитку год пятидесятый
Постукивает нудною клюкой,—
Садовнику за хмурой бородой
Смеется мальчик в ластовках лопарских,
В сапожках выгнутых бухарских,
С былиной-нянюшкой на лавке:
Она была у костоправки
И годы выпрядает пряжей...
Навьючен жизненной поклажей,
Я все ищу кольцо Светланы,
Рожденный в сумерках сверчковых,
Гляжу на буйственных и новых,
Как тальник смотрит на поляны,

Где снег предвешний, ноздреватый
Метут косицами туманы,—
Побеги будут терпко рьяны,
Но тальник чует бег сохатый
И выстрел... В звезды ли иль в темя?..
Кольцо Светланы точит время,
Но есть ребячий городок
Из пуха, пряжи и созвучий,
Куда не входит зверь рыкучий
Пожрать волшебный колобок.
И кто рожден в громах, как тучи,
Тем не уловится текучий,
Как сон, запечный ручеек!
Я пил из лютни жемчуговой
Пригоршней, сапожком бухарским,
И вот судьею пролетарским
Казним за нежность, тайну, слово,
За морок горенки в глазах,—
Орланом — иволга в кустах!
Не сдамся! Мне жасмин ограда
И розы алая лампада,
Пожар нарцисса, львиный зев! —
Пусть дубняком стальной посев
Взойдет на милом пепелище —
Лопарь забрел по голенище
В цимбалы, в лукоморье скрипки
Проселком от колдуньи-зыбки
Чрез горенку и дебри-няни,
Где заплутали спицы-лани,
Бодаясь с нитью ярче сказки!
Уже Есенина побаски
Измерены, как синь Оки,
Чья глубина по каблуки.
Лишь в пасме серебра чешуйки...
Но кто там в росомашьей чуйке,
В закатном лисьем малахае,
Ковром зари, монистом бая,

Прикрыл кудрявого внучонка? —
Иртыш пелегает тигренка —
Васильева в полынном шелке...
Ах, чур меня! Вода по холки!
Уже о печень плещет сом —
Скирда кувшинок — песен том! —
Далече — самоцветны глуби...
Я — человек, рожденный в срубе,
И гостю с яхонтом на губе,
С алмазами, что давят мочку,
Повышлю в сарафане дочку,—
Ее зовут Поклон до земи,—
От Колывани, снежной Кеми,
От ластовок — шитья лопарки,
И печи — изразцовой ярки,—
Ведунья падка до купав,
Иртышских и шаманских трав!
Авось, испимши и поемши,
Она ершонком в наши верши
Загонит перстенек Светланы!
И это будет раным рано,
Без слов дырявых человечьих,
Когда на розовых поречьях
Плывет звезда вдоль рыбьих троп,
А мне доской придавят лоб,
Как повелося изначала,
Чтоб песня в дереве звучала!

1933

* * *

По жизни радуйтесь со миой,
Сестра буреика, друг гнедой,
Что стойло радугой цветет,
В подойиике лучистый мед,
Кто молод, любит кипеиь сот,
Пчелииый в липах хоровод!
Любя, порадуйся со миой,
Пчела со взяткой золотой.
Ты сладкой пасеке вериа,
Я ж — песие голубее льиа,
Когда цветет дремотио ои
В просоики сииие влюблеи!
Со миою радость разделите,
Бараи, что дарит прялке иити
Для теплых ласковых чулок,
Глашатай сумерек — Волчок
И рябка — тетушка-ворчуиья,
С котягою,— шубейка куиья,
Усы же гоголииой масти.
Вороиа — спутиица иеиастья,—
Не каркай голодно, гумио
Зареет, словио в рай окио,
Там полиогрудые суслоиы
Ждут молотьбы рогов и звона:
Кто слышит музыку гумиа,
Тот вечио молод, как весна!
Как сизый аир над ручьем,

Порадуйся, мой старый дом,
И улыбнись скрипучей ставней.
Мы заживем теперь исправней,
Тебе за нищие годины
Я шапку починю тесиной
И брови подведу смолой.
Пусть тополь пляшет над тобой
Гуськом, в зеленую присядку!
Порадуйся со мной и кадка,
Моя дубовая вдова,
Что без соленья не жива,
Теперь же, богатея салом,
Будь женкой мне и перевалом
В румяно-смуглые долины,
Где не живут с клюкой морщины,
И старость, словно дуб осенний,
Пьет чашу снов и превращений,
Вся солнце рдяное, густое,
Чтоб закатиться в молодое,
Быть может, в песенки твои,
Где гнезда свили соловьи,
В янтарный пальчик с перстеньком.
Взгляни, смеется старый дом,
Осклабил окна до ушей
И жмется к тополю нежней,
Как я, без мала в пятьдесят,
К твоей щеке, мой смуглый сад,
Мой улей с солнечною брагой!
Не потому ли над бумагой
Звенит издевкой карандаш,
Что бледность юности не пара,
Что у зимы не хватит чаш
Залить сердечные пожары?!
Уймись, поджарый надоеда,—
Не остудят метели деда,
Лишь стойло б клевером цвело,
У рябки лоснилось крыло

И конь бы радовался сбруе,
Как песне непомерный Клюев!
Он жив, олонецкий ведун,
Весь от снегов и вьюжных струн
Скуластой тундровой луной
Глядится в яхонт заревой!

1932

КЛЕВЕТНИКАМ ИСКУССТВА

Я гневаюсь на вас и горестно браню,
Что десять лет певучему коню,
Узда алмазная, из золота копыта,
Попона же созвучьями расшита,
Вы не дали и пригоршни овса
И не пускали в луг, где пьяная роса
Свежила б лебедю надломленные крылья!
Ни волчья пасть, ни дыба, ни копылья
Не знали пытки вероломней,—
Пегасу русскому в каменоломне
Нетопыри вплетались в гриву
И пили кровь, как суховеи ниву,
Чтоб не цвела она золототканно
Утехой брачною республике желанной.
Чтобы гумно, где Пушкин и Кольцов
С Есениным в венке из васильков,
Бодягой поросло, унылым плауном,
В разлуке с песногривым скакуном,
И с молотьбой стиха свежее борозды
И непомернее смарагдовой звезды,
Что смотрит в озеро, как чаша, колдовское,
Рождая струнный плеск и вещих сказок рои!

Но у ретивого копыта
Недаром золотом облиты,
Он выпил сон каменоломный
И ржет на Каме, под Коломной

И на балтийских берегах!..
Овсянки, явственны ль в стнхах
Вам соловьииые раскаты,
И пал ли Клюев бородатый,
Как дуб, перуиамн сражеииый,
С дуплом, где Сирин огневейный
Клад стережет — бернллы, яхонт?..
И от тверскнх дублеиых пахот
С антютиком лесным под мышкой
Клычков размыкал лн нзлишки
Своих стихов — еловых почек
И выплакал лн зори-очи
До мертвых костяиых прорех
На грай вороний, черный смех?!
Ахматова — жасмииный куст,
Обóжжеииый асфальтом серым,
Тропу утратила ль к пещерам,
Где Данте шел и воздух густ
И нимфа леи прядет хрустальиый?
Средь русских жеищии Аииой дальией
Оиа как облачко сквозит
Вечерней проседью ракит!
Полыни сиоп, степиое юдо,
Полуказак, полукеитавр,
В чьей песие бранный гром литавр,
Багдадский шелк н перлы грудой,
Васильев,— омоль с Иртыша.
Ои выбрал щуку н ерша
Себе в друзья,— иа песню право,
Чтоб цвесть в поэзии купавой,—
Не с вами правиук Ермака!
На стук степиого батожка,
На ржаиье сосуика-кеитавра
Я осетром разииул жабры,
Чтоб гость в моей подводиой келье
Испил раскольиичьего зелья,
В легенде став едииорогом,

И по родным полынным логам
Жил гривы заревом, отгуламн копыт!
Так иагадал осетр, и вспенил перлы кит!

Я гиеваюсь на вас, гнусавые вороиы,
Что ин свирель ручья, нн сосен перезвоны,
Ни молодость в кудрях, как речка в купыре,
Вас ие баюкают в багряном октябре.
Когда клеиовый лист лохмотьями огня
Летит с лесистых скал, кимвалами звеня,
И ветер-конь в дождливом чепраке
Взлетает на утес, вздыби́ться иалегке,
Под молнии зурну копытом выбить пламя
И виовь инзринуться, чтобы клектать орлами
Иль ржать над пропастью потоком пеииогривым.
Я отвращаюсь вас, что вы не так краснвы!
Что знамя гордое, где плещется заря,
От песеи застите крылом иетопыря,
Крапивой полуслов, бурьяиом междометий,
Не чуя пиршества столетий,
Как бороды моей певучую грозу,—
Базальтовый обвал — художника слезу
О лилии с полей Иернхона!
Я содрогаюсь вас, убогие вороиы,
Что серы вы, в стихе ие лирохвосты,
Бумажные размиожили погосты
И вывелн ежей, улиток, саранчу!..
За будин львом на вас рычу
И за мои нежданные седины
Отмщаю тягой лебедииой! —
Все на восток, в шафран н медь,
В кораллы розы нумидийской,
Чтоб под ракитою росснйской
Корннфской арфой отзвенеть
И от Печеиеги до Бийска,
Завьюжит песеиную цветь,
Где коиь пасется диковииный,

Питаясь ягодой наливной,
Травой-улыбкой, приворотом,
Что по фантазии болотам
И на сердечном глыбком дне
Звенят, как пчелы по весне!
Меж трав волшебных Анатолий,—
Мой песноглаз, судьба-цветок,
Ему ковер индийских строк,
Рязанский лыковый уток,
С арабским бисером — до боли!
Чу! Ржет неистовый скакун
Прибоем слов о гребень дюн
Победно-трубных, как органы,
Где юность празднуют титаны!

1932

* * *

Кому бы сказку рассказать,
Как лось матерый жил в подвале,
Ведь прописным ославят вралей,
Что есть в Москве тайга и гать,
Где кедры осыпают шишкн —
Смолнстые лешачьи пышки!
Заря полощет рушники
В дремотной заводн строки,
Что есть стихи — лосииый мык,
Гусииый перелетный крик,
Чериильница — раздолье совам,
Страницы с запахом ольховым,
И все, как сказка иа Граиатиом?

В пути житейском иеобъятиом
Я лось, забредший через гать,
В подвал горбатый умирать.
Как тяжело ресинцам хвойным,
Звериным легким — вьюгам зиойиым
Дышать мокрицами н прелью!
Уснуть бы под вотяцкой елью,
Сугроб пушистый — одеяло,
Чтобы ие чуять иад подвалом
Глухнх вестей — ворон иосатых,
Что не купаются закаты
В родимой Оби стадом лис,
И иа Печоре вечер сиз,

Но берега пронзили сваи,
Калина не венчает в мае
Березку с розовым купалой,
По тундре дымной и проталой,
Не серебрится лосий след,
Что пали дебри, брынский дед,
По лапти пилами обрезан,
И от свирепого железа
В метель горящих чернолесий
Бегут медвежьи, рысьи веси,
И град из рудых глухарей,
Кряквы, стрельчатых дупелей
Лесные кости кровью мочит!

Кому же сивый клады прочит,
Напевом золотит копыта,
Когда черемуха убита —
Сестра душистая, чьи пальцы
Брыкастым и коломым мальцем
Его поили зельем мая?!
От лесоруба убегая,
Березка в горностайной шубке
Ломает руки на порубке,
Одна меж омертвелых пней...

И я один. В рогожу дней
Вплетен как лыко волчьим когтем,
Хочу, чтобы сосновым дегтем,
Парной сохатою зимовкой,
А не Есенина веревкой,
Пахнуло на твои ресницы
С подвала, где клюют синицы
Построчный золотой горох,
И тундровый соловый мох
Вплетает время в лосью челку!

На рождестве закличу елку
В последки погостить в подвал,
И за любовь лесной бокал
Осушим мы, как хлябь болотца.
Колдунья будет млеть, колоться,
Пылать от ревности зелеиой,
А я поиикну над затоном —
Твоим письмом, где глубь и тучки,
Поплакать в хвойиые колючки
Под хриплый рог лихой погоии
Охотника с косой зубастой.
И в этот вечер звезды часто
Осиным выводком в июле,
Заволокут иебесиый улей,
Где ияня-ель в рукав соболий
Запрячет сок земиой и боли.

1932

* * *

Моему другу
Анатолию Яру

Продрогли липы до костей,
До лык, до сердца лубяного
И в снежных саванах готовы
Уснуть навек, не шля вестей.
В круговороте зимних дней,
Косматых, волчьих, лязгозубых,
Деревья не в зеленых шубах,
А в продухах, сквозистых срубах
Из снов и морока ветвей.
Продрогли липы до костей,
Стучатся в ставни костылями:
«Нас приюти и обогрей
Лежанкой, сказкою, стихами!»
Войдите, снежные друзья!
В моей лежанке сердце рдеет
Черемухой и смолью мреет,
И журавлиной тягой веет
На одинокого меня.
Подснежниками у ручья,
Погрейтесь в пламени сердечном,
Пока горбун — жилец запечный —
Не погасил его навечно!
Войдите!.. Ах!.. Звездой пурговой
Сияет воротник бобровый
И карий всполох глаз перловых.
Ты опоздал, метельный друг,
В оковах льда и в лапах пург

Продрогла грудь, замглился дух!
Вот сердце, где тебе венок
Сплетала нежность-пастушок,
Черемуха и журавли
Клад наговорный стерегли,
Стихов алмазы, дружбы бнсер,
Чтоб росомахн, злые рыси
Любимых глаз — певучнх чаш —
Не выпнли в звернный раж,
И рожкн — от зарн лоскут —
Не унеслн в глухой закут,
Где волк-предательство жнвет.
Оно горит, как ярый мед,
Пчелиным, грозовым огнем!..
Ты опоздал седым бобром,
Серебряным крылом метелн
Пахнуть в оконце бедной кельн,
Где оторопь и свист печной
Кружились стаей надо мной,
И за стеной старнк-сугроб
Сколачнвал глубокнй гроб.
Мои рыданья, пальцев хруст
Подслушал жнмолости куст.
Он, содрогаясь о поэте,
Облился кровью на рассвете.
А ты?!. В отмщенье посмотрн,
Как тлеет, горестней зарн,
Ущербной, в пазухе еловой,
Былое сердце, песня, слово,
И угли — души поцелуев!..
Золой расписываюсь: Клюев,
Я мертвецом иду в мороз,
Где преданность — побитый пес
В пургу полуночную воет.
Под солнцем жнзни были двое,
Лосенок н лесной ручей.
Продрогли липы до костей

И в дверь стучатся костылями:
«Нас приюти и обогрей
Лежанкой, сказкою, стихами!»
Войдите, бледные друзья,
Декабрьским льдом согреть меня!

1932

* * *

Есть две страны: одна — Больница,
Другая — Кладбище, меж них
Печальных сосен вереница,
Угрюмых пихт и верб седых!

Блуждая пасмурной опушкой,
Я обронил свою клюку
И заунывною кукушкой
Стучусь в окно к гробовщику:

«Ку-ку! Откройте двери, люди!» —
«Будь проклят полуночный пес!
Куда ты в глиняном сосуде
Несешь зарю апрельских роз?!

Весна погибла. В космы сосен
Вплетает вьюга седину...»
Но, слыша скрежет ткацких кросен,
Тянусь к зловещему окну.

И вижу: тетушка Могила
Ткет желтый саван, и челнок
Мелькает птицей чернокрылой,
Рождая ткань, как мерность строк.

В вершииах пляска ветродуев,
Под хрип волчицыной трубы
Читаю нитн: «Н. А. Клюев —
Певец Олонецкой нзбы!»

Я умер! Господи, ужели?!
Но где же койка, добрый врач?
И слышу: «В розовом апреле
Оборваи твой предсмертный плач!

Вот почему в кувшние розы
И сам ты — мальчик в сиием льие!..
Скрипят житейскне обозы
В далекой бреииой сторонe.

К ним иет возвратиого проселка
Там мрак, изгнание, Нарым.
Не бойся саваиа н волка,—
За ними с лютией Серафим!»

«Приди, дитя мое, приди».—
Запела лютия неземная,
И сердце птнчкой нз груди
Перепорхнуло в кущи рая.

И первой песеикой моей,
Где, брачиой чашею лелея,
Была: люблю тебя, Расея,
Страиа грачииых ознмей!

И аигел вторил: «Буди, буди!
Благословеи родной овсеиь.
Его, как розаиы в сосуде,
Блюдет Христос иа Оиый День!»

1937

РАЗРУХА

1

ПЕСНЯ ГАМАЮНА

К нам вести горькие пришли,
Что зыбь Арала в мертвой тине,
Что редки аисты на Украине,
Моздокские не звонки ковыли,
И в светлой Саровской пустыне
Скрипят подземные рули!
Нам тучи вести занесли,
Что Волга синяя мелеет,
И жгут по Керженцу злодеи
Зеленохвойные кремли,
Что нивы суздальские, тлея,
Родят лишайник да комли!
Нас окликают журавли
Прилетной тягою в последки.
И сгибли зябликов наседки
От колтуна и жадной тли,
Лишь сыроежкам многолетки
Хрипят косматые шмели!
К нам вести черные пришли,
Что больше нет родной земли,
Как нет черемух в октябре,
Когда потемки на дворе
Считают сердце колуном,

Чтобы согреть продрогший дом,
Но, не послушны колуну,
Поленья воют на луну.
И больно сердцу замирать,
А в доме друг, седая мать...
Ах, страшно песню распинать!
Нам вести душу обожгли,
Что больше нет родной земли,
Что зыбь Арала в мертвой тине,
Замолк Грицько на Украине,
И Север — лебедь ледяной —
Истек бездомною волной,
Оповещая корабли,
Что больше нет родной земли!

II

От Лаче-озера до Выга
Бродяжил я тропой опасной,
В прогалах брезжил саван красный,
Кочевья леших и чертей.
И как на пытке от плетей,
Стонали сосны: «Горе! Горе!»
Рябины — дочери нагорий —
В крови до пояса... Я брел,
Как лось, изранен и комол,
Но, смерти показав копыто.
Вот чайками, как плат, расшито
Буланым пухом Заонежье
С горою вещею Медвежьей,
Данилово, где неофиту
Андрей и Симеон, как сыту,
Сварили на премноги леты
Необоримые «Ответы».
О книга — странничья киса,
Где синодальная лиса
В грызне с бобрихою подонной,—

Тебя прочтут во время оно,
Как братья, Рим с Александрией,
Бомбей и суетный Париж!
Над пригвожденною Россией
Ты сельской ласточкой журчишь,
И пестун заводи, камыш,
Глядишься вглубь — живые очи,—
Они, как матушка, пророчат
Судьбину, не чумной обоз,
А студенец в тени берез
С чудотворящим почерпальцем!..
На красный саван мажет смальцем
Тропу к истерзанным озерам,—
В их муть и раны с косогора
Забросил я ресниц мережи
И выловил под ветер свежий
Костлявого, как смерть, сига.
От темени до сапога
⟨Весь изъязвленный⟩ пескарями
Вскипал он гноем, злыми вшами,
Но губы теплили молитву...
Как плахой, поражен ловитвой,
Я пролил вопли к жертве ада:
«Отколь родной? Водицы надо ль?»
И дрогнули прорехи глаз:
«Я ж украинец Опанас...
Добей Зозулю, чоловиче!..»
И видел я: затеплил свечи
Плакучий вереск по сугорам,
И ангелы, златя убором
Лохмотья елей, ржавь коряжин,
В кошницу из лазурной пряжи
Слагали, как фиалки, души.
Их было тысячи на суше
И гатями в болотной води!..
О господи, кому угоден
Моих ресниц улов зловещий?

А Выго сукровицей плещет
О пленный берег, где медведь
В недавнем милом ладил сеть,
Чтобы словить луну на ужин.
Данилово — котел жемчужин,
Дамасских перлов, слезных смазней,
От поруганья и казни
Укрылося под зыбкой схимой,—
То Китеж новый и незримый,
То Беломорский смерть-канал,
Его Акимушка копал,
С Ветлуги Пров да тетка Фекла.
Великороссия промокла
Под красным ливнем до костей
И слезы скрыла от людей,
От глаз чужих в глухие топи.
В немереном горючем скопе
От тачки, заступа и горстки
Они расплавом беломорским
В шлюзах и дамбах высят воды.
Их рассекают пароходы
От Повенца до Рыбьей Соли,—
То памятник великой боли,
Метла небесная за грех,
Тому, кто, выпив сладкий мех
С напитком дедовским стоялым,
Не восхотел в бору опалом,
В напетой, кондовой избе
Баюкать солнце по судьбе,
По доле и по крестной страже...
Россия! Лучше б в курной саже,
С тресковым пузырем в прорубе,
Но в хвойной непроглядной шубе,
Бортняжный мед в кудесной речи
И блинный хоровод у печи,
По Азии же блин — чурек,
Чтоб насыщался человек

Свирелью, родиной, овииом
И звездиым выгоном лоснимым,—
У звезд рога в тяжелом злате,—
Чем крови шлюз и вошьи гати
От Арарата до Поморья.
Но лен цветет, н конь Егорья
Меж туч сквозит голубнзной
И веще ржет... Чу! Волчий вой!
Я брел проклятою тропой
От Доиа мертвого до Лаче.

III

Есть демоиы чумы, проказы н холеры,
Оии одеты в смрад и в саваны нз серы.
Чума с кошиицей крыс, проказа со скребиицей,
Чтоб утомнть колтуи палящей огневнцей,
Холера же с зурной, где судороги жил,
Чтоб трупы каркали и вылн нз могил.
Гангрена, вереда н повар — золотуха,
Чей страшеи едкий суп и терпка вареиуха
С отрыжкой камфары, гвоздичным ароматом
Для гостя волдыря с ползучей цепкой ватой.
Есть сифилис — ветла с разннутым дуплом
Над желчи омутом, где плещет осетром
Безиосый водяинк, утопленников пéстун.
Год восемнадцатый на роднну-невесту,
На брачный гориостай, сидонские опалы
Низрииул ливень язв и сукровнц обвалы,
Чтоб дьявол-лесоруб повыщербил топор
О дебри из костей и о могильиый бор,
Не считаниый иикем, непроходимый.
Рыдает Новгород, где тучкою златимой
Грек Феофан свивает пасмы фресок
С церковных крыл — поэту мерзок
Суд палача и черин многоротой.
Владимира червонные ворота

Замкнул навеки каменный архангел,
Чтоб стадо гор блюстн и водопой иа Ганге,
Ах, для славянского ль шелома и коня?!
Коломна светлая, сестру-Рязаиь обняв,
В заплакаииой Оке босые иоги мочит,
Закат волос в крови и выколоты очи,
Им иет поводыря, родного крова нет!
Каснмов с Муромом, где гордый минарет
Затмил сияиьем крест, вопят в падучей муке
И к Волге-матери протягнвают рукн.
Но, косы разметав и груди-Жигулн,
Под саваном песков, что бесы иамели,
Уснула русских рек колдующая пряха.
Ей вести черные, скакун из Карабаха,
Ржет ветер, что Иртыш, великий Еиисей,
Стучатся в океаи, как инщий у дверей:
«Впусти иас, дедушка, напой н накорми,
Мы пасмурны от бед, нзранеиы плетьми,
И с плеч береговых посияты соболя!»
Как в стужу водопад, плачь, русская земля,
С горючим льдом в пустых глазиицах,
Где утро — сизая орлица —
Яйцо сносило — солнце жизни,
Чтоб ландыши цвели в отчизие,
И лебедь приплывал к ступеиям.
Кошница яблок и сиреии,
Где встарь по соловьям гадали,—
Чернигов с Курском! Бык нз стали
Вас забодал в чуму и в оспу,
И не сиренью, кистн в роспуск,
А лунным черепом в окно
Глядится ночь давиым-давио.
Плачь, русская земля, потопом —
Вот Киев, по усладиым тропам
К нему не тянут богомольцы,
Чтобы в печерские оконца
Взглянуть на песиоцветный рай,

Увы, жемчужный каравай
Похитил бес с хвостом коровьим,
Чтобы похлебкою из крови
Царьградские удобрить зерна!
Се Ярославль — петух узорный,
Чей жар — атлас, кумач — перо
Не сложит в короб на добро
Кудрявый офень... Сгибнул кочет,
Хрустальный рог не трубит к ночи,
Зарю Х⟨ри⟩ста пожрал бетон,
Умолк сорокоустый звон,
Он, стерлядь, в волжские пески
Запрятался за плавники!
Вы умерли, святые грады,
Без фимиама и лампады
До нестареющих пролетий.
Плачь, русская земля, на свете
Злосчастней нет твоих сынов,
И адамантовый засов
У врат лечебницы небесной
Для них задвинут в срок безвестный.
Вот город славы и судьбы,
Где вечный праздник бороньбы
Крестами пашни бирюзовых,
Небесных нив и трав шелковых,
Где князя Даниила дуб
Орлу двуобразному люб,—
Ему от Золотого Рога
В Москву указана дорога,
Чтобы на дебренской земле,
Когда подснежники пчеле
Готовят чаши благовоний,
Заржали бронзовые кони
Веспасиана, Константина.
Скрипит иудина осина
И плещет вороном зобатым,
Доволен лакомством богатым,

О ржавый череп чистя нос,
Он тру́бит в темь: колхоз, колхоз!
И подвязав воловий хвост,
На верезг мерзостной свирели
Повылез черт из адской щели —
Он весь мозоль, парха и гной,
В багровом саване, змеей
По смрадным бедрам опоясан...
Не для некрасовского Власа
Роятся в притче эфиопы —
Под черной зарослью есть тропы,
Бетонным связаны узлом —
Там сатаны заезжий дом.
Когда в кибитке урагайной
Несется он, от крови пьяный,
По первопутку бед, сарыней,
И над кремлевскою святыней,
Дрожа успенского креста,
К жилью зловещего кота
Клубит мятельную кибитку,—
Но в боль берестяному свитку
Перо, омокнутое в лаву,
Я погружу его в дубраву,
Чтоб листопадом в лог кукушнй
Стучались в стих убитых души...
Заезжий двор — бетонный череп,
Там бродит ужас, как в пещере,
Где ягуар прядет зрачками
И как плоты на хмурой Каме,
Храня самоубийц тела,
Плывут до адского жерла —
Рекой воздушною... И ты
Закован в мертвые плоты,
Злодей, чья флейта — позвоночник,
Булыжник уличный — подстрочник.
Стихи мостить «в мотюх и в доску»,
Чтобы купальскую березку

Не кликал Ладо в хоровод,
И песню позабыл народ.
Как молодость, как цвет калины...
Под скрип нудной осины
Сидит на гноище Москва,
Неутешимая вдова,
Скобля осколом по коростам,
И многопестры Алконостом
Иван Великий смотрит в были,
Сверкая златною слезой.
Но кто целящей головней
Спалит бетонные отеки:
Порфирный Брама на востоке
И Рим, чем строг железный крест?
Нет русских городов-невест
В запястьях и рублях мидийских.

⟨1934⟩

Младая память моя железом погибает,
и тонкое тело мое увядает.

Плач Василька,
князя Ростовского

Мы свое отбаяли до срока —
Журавли, застигнутые вьюгой.
Нам в отлет на родине далекой
Снежный бор звенит своей кольчугой.

Помяии, чертушко, Есеиииа
Кутьей из углей до омылков баииых!
А в моей квашие пьяно вспенена
Опара для свадеб да игрищ багряиых.

А у меня изба иовая —
Полатн с подзором, божница иеугасимая.
Намел из подлавочья ярого слова я
Тебе, мой совенок, птаха моя любимая!

Пришел ты из Рязаии платочком бухарским,
Нестнраиым, иеполоскаиым, иемылеиым,
Звал мою пазуху улусом татарским,
Зубы табуиами, а бороду филииом!

Лепил я твою душеньку, как гиездо касатка,
Слюиой крепил мысли, слова слезииками,
Да погасла зарная свеченька, моя лесиая лампадка,
Ушел ты от меня разбойиымн тропинками!

Кручииушка была деду лесиому,
Трепались по урочнщам берестяиые седииы,
Плакал дымом овиниик, а прясла солому
Пускали по ветру, как пух лебедииый.

*

Из-под кобыльей головы, загиблыми мхами
Протянулась окаянная пьяная стежка.
Следом за твоими лаковыми башмаками
Увязалась поджарая дохлая кошка.

Ни крестом от нее, ни перстом, ни мукой,
Женился ли, умер — она у глотки,
Вот и острупел ты веселой скукой
В кабацком буруне топить свои лодки!

А все за грехи, за измену зыбке,
Запечным богам Медосту и Власу.
Тошнехонько облик кровавый и глыбкий
Заре вышивать по речному атласу!

*

Рожоное мое дитятко, матюжник милый,
Гробовая доска — всем грехам покрышка.
Прости ты меня, борова, что кабаньей силой
Не вспоил я тебя до златого излишка!

Златой же удел — быть пчелой жировой,
Блюсти тайники, медовые срубы.
Да обронил ты захарскую гривну —
побратимово слово,
Целовать лишь ковригу, солнце да цвет голубый.

С тобою бы лечь во честной гроб,
Во желты пески, да не с веревкой на шее!..
Быль или небыль то, что у русских троп
Вырастают цветы твоих глаз синее?

Только мне горюну — горынь-трава...
Овдовел я без тебя, как печь без помяльца,
Как без Настеньки горенка, где шелки да канва
Караулят пустые, нешитые пяльца!

*

Ты скажи, мое дитятко удатиое,
Кого ты сполохался-спужался,
Что во темиую могилушку собрался?
Старичища ли с бородою,
Аль гумеииой бабы с метлою,
Старухи ли разварухи?
Суковатой ли во играх рюхи?
Зиать, того ты сробел до смерти,
Что ионе годочки пошли слезовы,
Красны девушки пошли обмаииы,
Холосты ребята все бесстыжи!

*

Отцвела моя белая липа в саду,
Отзвеиел соловьиный рассвет иад речкой.
Вольготней бы иа поклоие в Золотую Орду
Изведать ятагаиа с хаиской насечкой!

Умереть бы тебе, как Михайле Тверскому,
Опочить по-мужицки — до рук борода!..
Не напрасно по брови родимому дому
Нахлобучили кровлю лихие года.

Неспроста у касаток ие лепятся гнезда,
Не играет котеиок веселым клубком...
С воза, сиоп-недовязок, в пустые борозды
Ты упал, чтобы грудь испытать колесом.

Вот и хрустиули кости... По желтому жиивью
Бродит песня-вдовица — иеиастью сестра...
Счастливее елка, что зимиею сииью,
Окутаиа саваиом, ждет топора.

Разумнее лодка, дырявые груди
Целящая корнией тины и трав...
О жертве вечерней иль новом Иуде
Шумит молочай у дорожных канав?

*

Забудет ли пахарь гумно,
Луна — избяное окно,
Медовую кашку — пчела,
И белка — кладовку дупла?

Разлюбит ли сердце мое
Лесную любовь и жилье,
Когда, словно ландыш в струи,
Гляделся ты в песни мои?

И слышала бабка-Рязань,
В малиновой шапке Кубань,
Как их дорогое дитя
Запело, о небе грустя.

Напрасно Афон и Саров
Текли половодьем из слов,
И ангел улыбок крылом
Кропил над печальным цветком.

Мой ландыш березкой возник,—
Берестяный звонок язык,
Сорокой в зеленых кудрях
Уселись удача и страх.

В те годы Московская Русь
Скидала державную гнусь,
И тщетно Иван золотой
Царь-колокол нудил пятой.

Когда же из мглы и цепей
Встал город на страже полей —
Подпаском, с волынкой щегла,—
К собрату березка пришла.

На гостью ученый набрел,
Дивился на шитый подол,
Поведал, что пухом Христос
В кунсткамерной банке оброс.

Из всех подворотен шел гам:
Иди, песнеликая, к нам!
А стая поджарых газет
Скулила: кулацкий поэт!

Куда не стучался пастух —
Повсюду урчанье брюх.
Всех яростней в огненный мрак
Раскрыл свои двери кабак.

*

На полете летит лебедь белая,
Под крылом несет хризопраз-камень.
Ты скажи, лебедь пречистая,—
На пролетах-переметах недосягнутых,
А на тихих всплавах по озерышкам
Ты поглядкой-выглядом не выглядела ль,
Ясным смотром-взором не высмотрела ль,
Не катилась ли жемчужина по чисту полю,
Не плыла ль злат-рыба по тихозаводью,
Не шел ли бережком добрый молодец,
Он не жал ли к сердцу певуна-травы,
Не давался ли на родимую сторонушку?
Отвечала лебедь умная:
На небесных переметах только соколы,
А на тихих всплавах — сиг да окунь,

На матерой земле медведь сидит,
Медведь сидит, лапой моется,
Своей суженой дожидается.
А я слышала и я видела:
На реке Неве грозный двор стоит,
Он изба на избе, весь железом крыт,
Поперек дворище — тыща дымников,
А вдоль бежать — коня загнать.
Как на том ли дворе, на большом рундуке,
Под заклятой черной матицей
Молодой детинушка себя сразил,
Он кидал себе кровь поджильную,
Проливал ее на дубовый пол.
Как на это ли жито багровое
Налетали птицы нечистые —
Чирея, Грызея, Подкожница,
Напоследки же птица-Удавница.
Возлетала Удавна на матицу,
Распрядала крыло пеньковое,
Опускала перище до земли.
Обернулось перо удавной петлей...
А и стала Удавна петь-напевать,
Зобом горготать, к себе в гости звать:

«На румяной яблоне
Голубочек,
У серебряна ларца
Сторожочек.
Кто отворит сторожец,
Тому яхонтов корец.

На осенней ветице
Яблок виден,—
Здравствуй, сокол-зятюшка —
Муж Снафидин!
У Снафиды перстеньки —
На болоте огоньки!

Угоди-ка вежеством,
Сокол, теще,
Чтобы ластить павушек
В белой роще!
Ты одень на шеюшку
Золотую денежку!»

Тут слетала я с ясна-месяца,
Принимала душу убойную
Что ль под правое тепло крылышко,
Обернулась душа в хризопраз-камень,
А несу я потеряшку на родину
Под окошечко материнское.
Прорастет хризопраз березынькой,
Кучерявой, русой, как Сергеюшко.
Сядет матушка под оконницу
С долгой прялицей, с веретенышком,
Со своей ли сиротской работушкой,
Запоет она с ниткой наровне
И тонехонько и тихохонько:

«Ты гусыня белая,
Что сегодня делала?
Баю-бай, баю-бай,
Елка челкой не качай!

Али ткала, али пряла,
Иль гусенышка купала?
Баю-бай, баю-бай,
Жучка, попусту не лай!

На гусенышке пушок,
Тега мальчик-кудряшок —
Баю-бай, баю-бай,
Спит в шубейке горностай!

Спит березка за окном
Голубым купальским сном —
Баю-бай, баю-бай,
Сватал варежкн шугай!

Сои березовый пригож,
На Сереженькнн похож!
Баю-бай, баю-бай,
Как проснется невзначай!»

1926

ДЕРЕВНЯ

Валентину Михайловичу
Белогородскому

Будет, будет стократы
Изба с матицей пузатой,
С лежаикой-единорогом,
В углу с урожайиым Богом:
У Бога по блину глазища,—
И под лавкой грешника сыщет,
Писаи Бог зографом Климом
Кииоварью да златиым дымом.
Лавицы — сидеть Святогорам,
Кот с потемным дозором,
В шелому чтоб роились звезды...
Вот оии, отчие борозды —
Посеешь усатое жито,
А вырастет песеи сыта!
На обраду баба с пузаном —
Не укрыть извозным кафтаиом,
Полгода, а с телку весом.
За оконцами тучи с лесом,
Все кондовым да заруделым...
Будет, будет русское дело,—
Объявится Иваи Третий
Попрать татарские плети,
Ясак с ордынской басмою
Сметет мужик бородою!
Нам любы Бухары, Алтаи,—
Не тесио в родимом крае,
Шумит Куликово поле

Ковыльной залетиой долей.
По Волге, по ясной Обн,
На всяком лазе, сугробе,
Рубилн мы избы, детинцы,
Чтоб ели внуки гостницы,
Чтоб девки гуляли в бусах,
Не в чужих косоглазых улусах!
Ах девкн — калииа с малиной,
Хороши вы за прялкой с лучииой,
Когда внхорь синебородый
Заметает пути н броды!
Вои Полоцкая Ефросинья,
Ярославиа — зегзица с Путнвля,
Евдокию — Доиского ладу
Узиаю по тихому взгляду!
Ах парни — Буслаевы Васьки,
Жильцы из разбойиой сказки,
Все лететь бы гольё на буяиы
Добывать золотые кафтаны!
Эво: как схож с Коловратом,
Кучерявый, плечо с иакатом,
Видио, у матерн груди —
Ковши на серебряном блюде!
Ах, матери — трудинцы наши,
В лапотцах, яблоин краше,
На каждой, как тнхнй привет,
Почил немерцающий свет!
Ах, деды — овинов владыкн,
Ржаные, ячмениые лнки,
Глядишь и ие зиаешь — сыр-бор
Иль лунный в седииах дозор!

Ты Расея, Расея матка,
Чаровая, заклятая кадка!
Что там, кровь или жемчуга,
Иль лысого черта рога?
Рогатиной иль каионом

Открыть наговориый чан?..
Мы рассталнсь с саровским звоном —
Утолеинем плача н ран.
Мы иовогородскому Никите
Оголили трухлявый срам,—
Отчего же на белой раките
Не поют щеглы по утрам?
Мы тонули в крови до пуза,
В огонь бросалн детей,—
Отчего же небесиый кузов
На лучи н зорн скупей?
Маета как змея одолела,
Голову бы под топор...
И Сибирь, и земля Карела
Чутко слушают вьюжный хор.
А вьюга скрипит заслонкой,
Чернит сажей горшкн...
Зиаем, бешеной самогоикой
Не насытить волчьей тоски!
Ты Расея, Расея матка,
На мирской смилосердись гам:
С жемчугамн илн с кровью кадка,
Окаяиным поведай иам!

*

На деревию привезен трактор —
Морж в людское жилье.
В волсовете баялн: «Фактор,
Что машина... Оиа тое...»
У завалин молчали бабы.
Детвору окутала соиь,
Как в поле межою рябой
Железный двинулся конь.
Желты пески, расступитесь,
Прошумн на последках, полынь,
Полюбил стальногрудый витязь

Полевую плакучую снны!
Только видел рыбак Кондратий,
Как прибрежьем, не глядя назад,
Утопиться в окуньей гати
Бежали березки в ряд.
За ними с прнгорка елки
Разодрали ноженькн в кровь...
От коврнг надломятся полкн,
Как взойдет железная новь.
Только ласточкн по сараям
Разбили гнезда в куски.
Вндно к хлебушку с новым раем
Посошку пути нелегки!

*

Ой ты каша, да щи с мозгами —
Каргопольской ложке родня!
Черноземье с сибнряками
В пупыре захотело огня!
Лучина отплакала смолью,
Еидова показала течь.
И на гостя с тупою болью
Дымоходом воззрилась печь.
А гость, как оса в сетчатке,
В стекольчатом пузыре...
Теперь бы книжку Васятке
О Ленине и о царе.
И Вася читает кннжку,
Синеглазый как василек...
Пятясь, охая, на сынишку
Избяной дивнтся восток.
У прялки сломило шейку,
Разбранилнсь с бердами льны,
В низколобую коробейку
Улеглись загадки и сны.
Как белица, платок по брови,

Туда, где лесная мгла,
От полавочных изголовий
Неслышно сказка ушла.
Домовые, нежити, мавки —
Только сор, заскорузлый прах,
Глядь, и дед улегся на лавке
Со свечкой в желтых перстах.
А гость, как оса в сетчатке,
Зенков не смежит на миг...
Начитаются всласть Васятки
Голубых задумчивых книг!

Ты Расея, Расея теща,
Насолила ты лихо во щи,
Намаслила кровушкой кашу —
Насытишь утробу нашу!
Мы сыты, мать, до печенок,
Душа — степной жеребенок
Копытом бьет о грудину,—
Дескать, выпусти на долину
К резедовым лугам, водопою!..
Мы не знаем ныне покою,
Маета-змея одолела
Без сохи, без милого дела,
Без сусальной в углу Пирогощей!..
Ты Расея — лихая теща!..
Только будут, будут стократы
На Дону вишневые хаты,
По Сибири лодки из кедра,
Олончане песнями щедры,
Только б месяц, рядятся в дымы,
На реке бродил по налимы,
Да черемуху в белой шали
Вечера как девку ласкали!

1926

ПОГОРЕЛЬЩИНА

Наша деревня — Сиго́вой Лоб
Стоит у лесных и озерных троп,
Где губы морские, олень да остяк,
На тысячу верст ягелевый желтяк.
Сиго́вец же — ярь и сосновая зель,
Где слушают зори медвежью свирель,
Как рыбья чешуйка свирель та легка,
Баюкает сказку и сны рыбака.
За неводом сон — лебединый затон,
Там яйца в пуху и кувшинковый звон,
Лосиная шерсть у совихи в дупле,
Туда не плыву я на певчем весле!

Порато баско весной в Сиговце,
По белым избам на рыбьем солнце!
А рыбье солнце — налимья майка,
Его заманит в чулан хозяйка,
Лишь дверью стукнет — оно на прялке
И с веретенцем играет в салки.
Арина-баба, на пряжу дюжа,
Соткет из солнца порты для мужа,
По ткани свекор, чтоб песне длиться,
Доской резною набьет копытца,
Опосле репки, следцы гагарьи...
Набойки хватит Олехе, Дарье,
На новоселье и на поминки...
У наших девок пестры ширинки,

У Степаниды, веселой Насти
В коклюшках кони живых брыкастей,
Золотогривы, огнекопытны,
Пьют дым плетеный и зоблют ситный.
У Прони скатерть синей Онега —
По зыби едет луны телега,
Кит-рыба плещет, и яро в нем
Пророк Иона грозит крестом.

Резчик Олеха — лесное чудо,
Глаза — два гуся, надгубье рудо,
Повысек птицу с лицом девичьим,
Уста закляты потайным кличем.
Когда Олеха тесал долотцем
Сосцы у птицы, прошел Сиговцем
Медведь матерый, на шее грива,
В зубах же книга, злата и дивна.
Заполовели у древа щеки,
И голос хлябкий, как плеск осоки,
Резчик учуял: «Я — Алконост,
Из глаз гусиных напьюся слез!»

*

Иконник Павел — насельник Давний
Из Мстер великих, отец Дубравне,
Так кличет радость язык рыбачий...
У Павла ощупь и глаз нерпячий —
Как нерпе сельди во мгле соленой,
Так духовидцу обряд иконный.
Бакан и умбра, лазорь с синелью
Сорочьей лапкой цветут под елью,
Червлец, зарянку, огонь купинный
По косогорам прядут рябины.
Доска от сердца сосны кондовой —
Иконописцу как сот медовый,
Кадит фиалкой, и дух лесной
В сосновых жилах гудит пчелой.

*

Явленье Иконы — прилет журавля,—
Едва прозвенит жаворонком земля,
Смирениому Павлу в персты н в зрачки
Слетятся с павлинами радуг полки,
Чтоб в роще ресинц, в лукоморьях иогтей,
Повывесть птенцов — голубых лебедей,—
Их плескн н трубы с лазурным пером
Слывут по Сиговцу «доличным пнсьмом».
«Виденье Лнца» богомазы берут
То с хвойных потемок, где теплится трут,
То с глубн озер, где ткачнха-луна
За кросном янтарным грустнт у окна.
Егорню с селезня пишется конь,
Миколе — с крещатого клена фелонь,
Успение — с перышек горлиц в дупле,
Когда молотьба н покой на селе.
Распятие — с редьки: как гвозди креста,
Так редечный сок опаляет уста.
Но краше и трепетней зографу зреть
На птичьих загонах гусиную сеть,
Лукавые мерды и петлн ремней
Для тысячн белых кувшииковых шей.
То образ Суда, ́н метелица крыл —
Тень мнра сего от сосцов до могил.
Студеная Кола, Поволжье н Дон
Тверды не железом, а воском нкон.
Гончарное дело прехитро зело,
Им славятся Вятка, Опошня-село;
Цветет Украина румяным горшком,
А Вятка кунганом, ребячьим коньком.
Сиговец же Андому знает реку,
Там в крынках кукушка ку-ку да ку-ку,
Журавль-рукомойник курлы да курлы,
И по сту годов доможирят котлы...
Сиговому Лбу похвала — Силиверст,

Он вылепил Спаса на Лопский погост,
Украсил сурьмой и в печище обжег,
Суров и прекрасен глазуревый бог.

На лопский погост (лопари, а не чудь)
Укажут куницы да рябчики путь;
Не ешь лососины и с бабой не спи,
Берестяный пестер молитв накопи,
Волвянок-Варвар, богородиц-груздей,
Пройдут в синих саванах девять ночей,
Десятые звезды пойдут на потух,
И Лопский погост — многоглавый петух —
На кедровом гребне воздымает кресты:
Есть Спасову печень сподобишься ты.
О русская сладость — разбойника вопль —
Идти к красоте через дебри и топь
И пестер болячек, заноз, волдырей
Со стоном свалить у Христовых лаптей!
О мед нестерпимый — колодовый гроб,
Где лебедя сон — изголовьице сноп,
Под крылышком грамота: «Чадца мои,
Не ешьте себя ни в нощи, ни во дни!»

*

Порато баско зимой в Сиговце!
Снега как шапка на устьсысольце,
Леса — тулупы, предлесья — ноги,
Где пар медвежий да лосьи логи,
По шапке вьются пути-сузёмки,
По ним лишь думу нести в котомке
От мхов оленьих до кипарисов...
Отец «Ответов» Андрей Денисов
И трость живая — Иван Филиппов
Сузёмок пили, как пчелы липы.
Их черным медом пьяны доселе
По холмогорским лугам свирели,

По сизой Выге, по Енисею
Седые кадры их дыхом веют...
Но вспять сказанье! Зимой в Сиговце
Помор за сетью, ткея за доицем,
Петух на жердке дозорит беса,
И сиежный аигел кадит у леса.
То кииоварный, то можжевельиый,
Лучась в потемках свечой радельиой.
И длится сказка... Часы иль годы,
Могучей жизии цветисты всходы.
За бородищей иезрим Васятка,
Сегодня в' зыбке, а завтра — иать-ка!—
Кудрявый пареиь, береста — зубы,
Плечистым дядям племяииик любый!
Изба — криница без диа и выси,
Семью питает сосцами рыси.
Поет ли бахарь, орда ли мчится,
Звериным пойлом полна криница,
Извечио мерио скрипит черпуга...
Душа кукует, иль иоет вьюга,
Но сладко, сладко к сосцам родимым
Припасть и плакать по долгим зимам!
Не белы сиеги да сугробы
Замели пути до зазиобы,
Ни проехать, ии пройти по проселку
Во Настасьииу хрустальную светелку!

Как у Настеиьки жеиихов
Было сорок сороков,
У Романовны сарафаиов —
Сколько у моря тумаиов!..

Виноградье мое со калииою,
Выпускай из рукава стаю лебединую!
Уж как лебеди иа Дуиай-реке,
А свет Настенька иа белой доске,

Не остругаиной, ие отесаииой,
Наготу свою застит косами!

Виноградье мое, виноградьице,
Где зазнобино цветно платьице?
Цветно платьице с аксамитами
Ковылем шумит под ракитами!

На раките зозулит зозуля:
«Как при батыре-есауле...»
Ты, зозуля, ие щеми печеики
У гнусавой каторжиой девчонки!
Я без чести, без креста, без мамы,
В Звенигороде иль у Камы
Напилась с погаиого копытца.
Мие во злат шатер ие воротиться!
Ни при батыре-есауле,
Ни по осени, ни в июле,
Ни на Мезени, ни в Коломие,
А и где, с опитухи ие помию,
А звалася свет-Анастасией!..
Вот так песня, словеса лихие,
Кто пропел ее в голубый вечер
На дремотном веретеином вече?!
И сказал Олеха: «Это ели
Стать смолистым срубом захотели,
Или сосны у лесной часовни
Запряглися в ледяные дровни,
Чтоб бежать от самоедской стужи,
Заглядеться в водопой верблюжий!»
«Нет,— сказала кружевница Проня,—
Это кони в петельной погоне
Расплескали бубенцы в коклюшках,
Или в рукомойнике кукушка
Нагадала свадьбу Дорофею».
«Знать, прогукал филин к снеговею,—

Молвил свекор,— или гусь с набойки
Посулил леща глазастой сойке!»
Силиверст пробаял: «То в гончарной
Стало рябому котлу угарно,
Он и стонет, прасол нетверезый!..»
Светлый Павел, утирая слезы,
Обронил из уст словесный бисер:
«Чадца, теля не от нашей рыси,
Стала ялова праматерь на удои,
Зазывают избы волчьим воем,
И с иконы ускакал Егорий —
На божнице змий да сине море!..
Неусыпающую в молитвах Богородицу
Кличьте, детушки, за застолицу!»

«Обрадованное Небо —
К тебе озера с потребой!
Сладкое лобзание —
До Тебя их рыдание!
Неопалимая Купина —
В чем народная вина?
Утоли Моя Печали —
Стань березкой на протале!
Умягчение Злых Сердец —
Сядь за теплый колобец!
Споручница Грешных —
Спаси от мук кромешных!»

Гляньте, детушки, на стол —
Он стоит чумаз и гол,
Нету Богородицы
У пустой застолицы!

Вы покличьте-ка, домочадцы,
На Сиговец к студеному долу
Парусов и рыбарей братца,
Святителя теплого — Миколу!

Ои, кормилец, в ризе сермяжиой,
Ради песии младеия в зыбке,
Откушает некуражио
Яитариой ухн да рыбки!

«Парусов погонщик Миколае,
Объявился змнй в родимом крае,
Воротн Егорья иа нкоиу —
Избяиого рая обороиу!
Красиой ложкой похлебай ушицы,
Мы тебе подарим рукавнцы
И иа ноженьки олеиьн пимы,—
Свете тихий, свет иезаходимый!
Русский сад — мужики да бабы,
От Норвегн и до смуглой Лабы
Принесем тебе морошкн, яблок...
Ты воспой, иаш сладковейный зяблик!»

Правило веры и образ кротости,
Не забудь соборной волости!

В зимы у иас баско —
Деды бают сказки,
Как потемок скрыии,
Сарафаны сиин,
Шубы долгоклииины,
Лестовицы чииины!
По молеииым иашнм
Чирин да Парамшин,
И персты Рублева —
Словио цвет вербовый!
По зелеиым веснам
Прилетает к сосиам
На отцов могилы
Снрни песиокрылый.
Он, что юиый розан,

По Сиговцу прозвали
Братцем виноградным,
В горестях усладным:

Ти-ли, ти-ли-ли —
Плывут корабли —
Голубые паруса
Напрямки во небеса.
У реки животной
Берег позолотный,
Воды-маргариты
Праведным открыты.
Кто во гробик ляжет
Бледной, лунной пряжей,
Тот спрядется Богом
Радости залогом!
Гробик, ты мой гробик,
Вековечный домик,
А песок желтяный —
Суженый, желанный!»

Гляньте, детушки, на стол —
Змий хвостом ушицу смел,
Адский пламень по углам:
Не пришел Микола к нам!

*

Увы, увы, раю прекрасный!..
Февраль рассыпал бисер рясный,
Когда в Сиговец, златно-бел,
Двуликий Сирин прилетел.
Он сел на кедровой вершине,
Она заплакана донные,
И долго-долго озирал
Лесов дремучий перевал.
Истаевая, сладко он

Воспел: «Кирие елейсои!»
Напружилось лесное недро,
И, как иа блюде, вместе с кедром
В сапфир, черемуху и леи
Певец чудесиый возиесен.

В тот год уснул иавеки Павел,
Он сердце в краски переплавил
И написал икону нам:
Тысячестолпный дивный храм,
И на престоле нз смарагда,
Как гроздь в точиле виинограда,
Усекновенная глава.
Вдали же никлые березы
И журавлиные обозы,
Ромашка и плакун-трава.
Еще не гукала сова,
И тетерев по талой зорьке
Клевал пестрец да ягель горький,
Еще медведь на водопое
Гляделся в зеркальце лесиое
И прихорашивался втай —
Стоял лопарский сизый май,
Когда на рыбьем перегоне
В лучах озерных, легче соний,
Как в чаще запоиы опал,
Олеха старцев увидал.
Их было двое светлых братий,
Одии Зосим, другой Савватий,
В перстах златые кацеи...
Стал огиен парус у ладьи
И невода миогоочиты,
Когда, сиянием повиты,
В нее вошли озер Отцы:
«Мы покидаем Соловцы,
О человече Алексие!
Вези нас в горнюю Россию,

Где Богородица н Спас
Чертог украсили для нас!»
Не стало резчнка Олехн...
Едва забрезжилн сполохн,
Пошла гагара наутек,
Заржал в коклюшках горбунок,
Как будто годовалый волк
Прокрался в лен н нежный шелк.
Лампадка теплилась в светелке,
И за мудреною иголкой
Прнснился Проне смертный сон:
Сиговец змнем полонен,
И нет подойннка, ушата,
Где б не гнездилнся змеята.
На бабьнх шеях, люто злы,
Шипят зменные узлы,
Повсюду посвнсты н жала,
И на погосте кровью алой
Заплакал глнняный Хрнстос...
Отколе взялся Алконост,
Что хнтро вырезан Алешей?
«Я за тобою по пороше!
Летим, сестрнца, налегке
К льняной н шелковой реке!»
Не стало кружевннцы Пронн...
С коклюшек ускакалн конн,
Лншь златогрнвый горбунок,
За печкой вынскав Клубок,
Его брыкает в сутеменкн,
А в горенке по самогонке
Тальянка гиблая орет —
Хозяев новых обнход.

*

Степенный свекор с Силиверстом
Срубили келью за погостом,
Где храм о двадцатн главах,

В нем Спас в глазуревых лаптях.
Который месяц точит глина,
Как нней ягодный крушниа,
Из голубой поливы глаз
Кровавый бисер и топаз,
Чудно, болезно мужичью
За жизнь суровую свою,
Как землянику в кузовок,
Сбирать слезинки с Божьих щек!
Так жили братья. Всякий день,
Едва раскинет сутемень
Свой чум у таежных полян,
В лесную келью сквозь туман
Сорока грамотку носила.
Была она четверокрыла,
И, полюбив налимье сало,
У свекра в бороде искала.
Уж не один полет воочью
Сильверст за пазухой сорочьей
Худые вести находил,
Писал их столпник, старец Нил.
Он на прибрежии Онега
Построил столп из льда и снега,
Покрыл его дерном, берестой,
И тридцать лет стоит невестой
Пустынных чаек, облаков
И серых беличьих лесов.
Их немота родила были,
Что белки столпника кормили.
Он, по-мирскому, стольный князь,
Как чешуей озерный язь,
Так ослеплял служилым златом
Любимец царские палаты.
Но сгибло все! Нил на столпе —
Свеча на таежной тропе,
В свое дупло, как хризопраз,
Его укрыл звериный Спас!

*

Однажды птица прилетела
Понурою, отяжелелой
И не клевала творожку.
Сильверст желанную строку
У ней под крылышком сыскал.
«Готовьтесь к смерти»,— Нил писал.
Ударили в било поспешно...
И, как опалый цвет черешни,
На новоселье двух смертей
Слетелись выводки гусей,
Тетерева и куропатки,
Свистя крылами, без оглядки,
На звон завихрились из пущ.
И молвил свекор: «Всемогущ,
Кто плачет кровию за тварь!
Отменно знатной будет гарь,
Недаром лоси ломят роги,
Медведи, кинувши берлоги,
С котятами рябая рысь
Вкруг нашей церкви собрались...
Простите, детушки, убогих!
Мы в невозвратные дороги
Одели новое рядно...
Глядят в небесное окно
На нас Аввакум, Феодосий...
Мы вас, болезные, не бросим,
С докукою пойдем ко Власу,
Чтоб дал лебедушкам атласу,
А рыси выбойки рябой!..
Живите ладно меж собой.
Вы лоси, не бодайтесь больно,
Медведихе — княгине стольной
От нас в особицу поклон,—
Ей на помин овса суслон,
Стоит он, миленький, в сторонке...

Тетеркам пестрым по иконке —
На них кровоточивый Спас,
Пускай помолятся за нас!»

«Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко»,—
Воспела в горести великой
На человечьем языке
Вся тварь вблизи и вдалеке.
Когда же церковь-купина
Заполыхала до вершины,
Настала в дебрях тишина
И затаили плеск осины.
Но вот разверзлись купола,
И въявь из маковицы главной
На облак белизны купавной
Честная двоица взошла,
За нею трудница-сорока
С хвостом лазоревым, в тороках...
Все трое метятся писцом
Горящей птицей и крестом.

*

Не стало деда с Силиверстом...
С зарей над сгибнувшим погостом,
Рыдая, солнышко взошло
И по надречью, по-над логом
Оленем сивым, хромоногим
Заковыляло на село.
Несло валежником от суши,
Глухою хмарой от болот,
По горенкам и повалушам
Слонялся человечий сброд.
И на лугу перед моленной,
Сияя славою нетленной,
Икон горящая скирда:
В окне Мокробородый Спас,

Успение, коровий Влас...
Се предреченная звезда,
Что в карих сумерках всегда
Кукушкой окликала нас!

Да молчит всякая плоть человеча...
Уснул, аки лев,
Великий Сиг!
Икон же души, с поля сечи,
Как белый гречневый посев,
И видимы на долгий миг,
Вздымались в горнюю Софию...
Нерукотворную Россию
Я, песнописец Николай,
Свидетельствую, братья, вам!
В сороковой полесный май,
Когда линяет пестрый дятел
И лось рога на скид отпятил,
Я шел по Унженским горам.
Плескали лососи в потоках,
И меткой лапою с наскока
Ловила выдра лососят.
Был яр, одушевлен закат,
Когда безвестный перевал
Передо мной китом взыграл.
Прибоем пихт и пеной кедров
Кипели плоскогорий недра,
И ветер, как крыло орла,
Студил мне грудь и жар чела.
Оледенелыми губами
Над россомашьими тропами
Я бормотал: «Святая Русь,
Тебе и каторжной молюсь!..
Ау, мой ангел пестрядинный,
Явися хоть на миг единый!»
И чудо! Прыснули глаза
С козиц моих, как бирюза,

Потом, как горные медведи,
Сошлись у врат из тяжкой меди.
И постучался левый глаз,
Как носом в лужицу бекас,—
Стена осталась безответной.
И око правое — медведь
Сломало челюсти о медь,
Но не откликнулась верея,
Лишь страж, кольчугой пламенея,
Сиял на башне самоцветной.
Сластолюбивый мой язык,
Покинув рта глухие пади,
Веприцей ринулся к ограде,
Но у столпов, рыча, поник.
С насеста ребер в свой черед
Вспорхнуло сердце — голубь рябый,
Чтобы с воздушного ухаба
Разбиться о сапфирный свод.
Как прыснуть векше — голубок
В крови у медного порога!..
И растворились на восток
Врата запретного чертога.
Из мрака всплыли острова,
В девичьих бусах заозерья,
С морозным Устюгом Москва,
Валдай — ямщик в павлиньих перьях,
Звенигород, где на стенах
Клюют пшено струфокамилы,
И Вологда, вся в кружевах,
С Переяславлем белокрылым.
За ними Новгород и Псков —
Зятья в кафтанах атлабасных,
Два лебедя на водах ясных —
С седою Ладогой Ростов.
Изба резная — Кострома,
И Киев — тур золоторогий
На цареградские дороги

Глядит с Перунова холма.
Упав лицом в кремни и гальки,
Заплакал я, как плачут чайки
Перед отплытьем корабля:
«Моя родимая земля,
Не сетуй горько о невере,
Я затворюсь в глухой пещере,
Отрощу бороду до рук,—
Узнает изумленный внук,
Что дед недаром клад копил
И короб песенный зарыл,
Когда дуванили дуван!..»
Но прошлое как синь туман:
Не мыслит вешний жаворонок,
Как мертвен снег и ветер звонок.

*

Се предреченная звезда,
Что темным бором иногда
Совою окликала нас!..
Грызет лесной иконостас
Октябрь — поджарая волчица,
Тоскуют печи по ковригам,
И шарит оторопь по ригам
Щепоть кормилицы-мучицы.
Ушли из озера налимы,
Поедены гужи и пимы,
Кора и кожа с хомутов,
Не насыщая животов.
Покойной Прони в руку сон:
Сиговец змием полонен,
И синеглазого Васятку
Напредки посолили в кадку.
Ах синеперый селезень!..
Чирикал воробьями день,
Когда, как по грибной дозор,

Малютку кликнули на двор.
За кус говядины с печенкой
Сосед освежевал мальчонка
И серой солью посолил
Вдоль птичьих ребрышек и жил.
Старуха же с бревна под балкой
Замыла кровушку мочалкой.
Опосле, как лиса в капкане,
Излилась лаем на чулане.
И страшен был старушин лай,
Похожий то на баю-бай,
То на сорочье стрекотанье.
Ополночь бабкино страданье
Взошло над бедною избой
Васяткиною головой.
Стеклися мужики и бабы:
«Да, те ж вихры и носик рябый!»
И вдруг, за гиблую вину,
Громада взвыла на луну.
Завыл Парфен, худой Егорка,
Им на обглоданных задворках
Откликнулся матерый волк...
И народился темный толк:
Старух и баб-сорокалеток
Захоронить живьем в подклеток
С обрядой, с жалкой плачеёй
И с теплою мирской свечой,
Над ними избу запалить,
Чтоб не досталис волку в сыть!

*

Так погибал Великий Сиг
Заставкою из древних книг,
Где Стратилатом на коне
Душа России, вся в огне,
Летит ко граду, чьи врата

Под знаком чашн н креста!
Иная видится заставка:
В светлице девушка-чернавка
Змею под створчатым окном
Своим пнтает молоком —
Горыныч с запада ползет
По горбылям железных вод!
И третья восстает малюнка:
Меж колок золотая струнка,
В лазурн солнце н луна
Внимают, как поет струна.
Меж нимн костромской мужик
Дивнтся на звернный лнк,—
Им, как усладой, маннт бес
Митяя в непролазный лес!

Так погибал Велнкнй Сиг,
Сдирая чешую н плавнн!..
Год девятнадцатый, недавннй,
Но горше каторжных вериг!
Ах, пусть полголовы обрито,
Прикован к тачке рыбогон,
Лишь только бы, шелкамн шиты,
Дремалн сосны у окон,
Да родина нас овевала
Черемуховым крылом,
Дымился ужнн рыбьим салом,
И ночь пушистым глухарем
Слетала с крашеных полатей
На осьмерых кудрявых братий,
На становнтых зятевей,
Золовок, внуков-голубей,
На плешь берестяную деда
И на мурлыку-тайноведа,—
Он знает, что в тяжелой скрыне,
Сладимым родником в пустыне,
Бьют матерн тепло н ласкн...

Родная, ие твои ль салазки,
В крови, изгрызеиы пургой,
Лежат под Чертовой Горой?!

Загибла тройка удалая,
С уздой татарская шлея,
И бубеицы — дары Валдая,
Дуга моздокская лихая —
Утеха светлая твоя!

«Твоя краса меия сгубила,—
Певал касимовский ямщик,—
Пусть иеотпетая могила
В степи иеиастной и уиылой
Сокроет иеиаглядиый лик!»

Калужской старою дорогой,
В глухих олоиецких лесах
Сложилось тайи и песеи миого
От сахалиского острога
До звезд в глубоких иебесах.

Но ие было иапева краше
Твоих метельиых бубенцов!..
Пахнуло молодостью иашей,
Крещенским вечером с Парашей
От ярославских милых слов!

Ах, иеспроста душа в озиобе,
Матерой стаи чуя вой! —
Не ты ли, Пашеиька, в сугробе,
Как в иеотпетом белом гробе,
Лежишь под Чертовой Горой?

Разбиты писанные сани,
Издох ретивый коренник,
И только ворон на-заране,
Ширяя клювом в мертвой ране,
Гнусавый испускает крик!

Лишь бубенцы — дары Валдая
Не устают в пурговом сне
Рыдать о солнце, птичьей стае
И о черемуховом мае
В родной далекой стороне!

*

Кто вы — лопарские пимы
На асфальтовой мостовой?
«Мы сосновые херувимы,
Слетели в камень и дымы
От синих озер и хвой.
Поведайте, добрые люди,
Жалея лесной народ,
Здесь ли с главой на блюде,
Хлебая железный студень,
Иродова дщерь живет?
До нее мы в кошеле рысьем
Мирской гостинец несем —
Спаса рублевских писем,
Ему молился Анисим
Сорок лет в затворе лесном!
Чай, перед Светлым Спасом
Блудница не устоит,
Пожалует нас атласом,
Архангельским тарантасом,
Пузатым, как рыба-кит!
Да еще мы ладим гостинец:
Птицу-песню пером в зарю,
Чтобы русских высоких крылец,

Как околиц да позатылиц,
Не миuуть н богатырю!
Чай, иа песню Ироднада
Склоинт милостиво сосцы,
Поднесет нам с перламн ладан,
А нз вымени винограда
Даст удой вина в погребцы!»

Выла улнца камеииым воем,
Глотая двуногне пальто:
«Оставьте нас, пожалста, в покое!..»
«Такого треста здесь не знает никто!..»
«Граждане херувимы, прикажите авто?»
«Позвольте, я актив нз КИМа!..»
«Это экспонаты из губздрава!..»
«Мильционер, поймали херувима!..»
«Реклама на теплые джнмы?..»
«А!.. Да!.. Вот... Так, право!!!»
«А нз вымеин винограда
Даст удой вина в погребцы...»

Это последняя Лада,
Купава из русского сада,
Замирающих строк бубенцы!
Это последняя липа
С песеиным сладким дуплом;
Зиаю, что слышатся хрипы,
Дрожь н тяжелые всхлипы
Под милым когда-то пером!
Зиаю, что вечной весною
Веет березы душа,
Но борода с сединою,
Молодость с песией ниою
Слезного стоят гроша!
Вы же, кого я обидел
Крепкой кириллицей слов,

Как на моей панихиде,
Слушайте повесть о Лидде —
Городе белых цветов!

Как на славном Индийском помории,
При ласковом князе Онории
Воды были тихие, стерляжие,
Расстилались шелковою пряжею.
Берега — все оniксы с лалами,
Кутались бухарскими шалями,
Еще пухом чаиц с гагарятами,
Тафтяными легкими закатами.
Кедры-ливаны семерым в обойм,
Чудно вышиты паруса у сойм,
Гнали паруса гуси махами,
Селезни с чирятами-кряками.
Солнышко в снастях бородой трясло,
Месяц кормовое прямил весло,
Серебряным салом смазывал,
Поморянам пути указывал.
Срубил князь Онорий Лидду-град
На синих лугах меж белых стад.
Стена у города кипарисова,
Врата же из скатного бисера.
Избы во Лидде — яхонты,
Не знают мужики туги-пахоты.
Любовал Онорий высь нагорную —
Повыстроить церковь соборную.—
Тесали каменья брусьями,
Узорили налепами да бусами,
Лемехом свинчатым крыли кровлища,
Закомары, лазы, переходища.
Маковки, кресты басменили,
Арабской синелью синелили,
На вратах чеканили Митрия,
На столпе писали Одигитрию.
Чаицы, гагары встрепыхалися,

На морское дно опускалися,
Доставали жемчугу с нскрицей —
На высокий кокошник Владычице.

А н всем пригоже у Онория
На славном Индийском поморни,
Только нету в лугах мала цветика,
Колокольчика, курослепика,
По ляднна м ушка медвежьего,
Кашки, ландыша белоснежного.
Во садах ие алело розана,
«Цветнником» только книга прозваиа.
Закручннилась Лидда стольная:
«Снротннка я подневольная!
Не гулять сироте по цветикам,
По лазоревым курослепикам,
На Купалу мне не завить венка,
Средь пустых лугов протекут века...
Ой, верба, верба, где ты сросла?
Твон лнстыньки вода снесла!..»
Откуль взялась орда на выгоне —
Обложилн град сарациняне.
Приужахнулся Онорнй с горожанамн,
С тихими стадами да поляиами:
«Ты, Владычнца Одигитрия,
На помогу иам вышли Мнтрия,
На ием ратная сбруна чеканена,
Одолеет он половчанина!»
Прослезилася Богородица:
«К Моему столпу мчится коннница!..
Заградили Меня целой сотнею,
Раздирают хламиду золотную
И высокий кокошник со искрицей...
Рубят саблямн лик Владычице!!!»
Сорок дней и ночей сарацииняне
Столп рубилн, пылили иа выгоне,
Краски, киноварь с Богородицы

Прахом веяли у околицы,
Только Лнк пригож и под саблями,
Горемычными слезками бабьими,
Бровью волжскою сниеватою
Да улыбкою, скорбио сжатою,
А где сеяли сита разбойные
Живописные вапы икониые,
До колен и по оси тележные
Вырасталн цветы белосиежные.
Стала Лидда, как чайка, белешеиька,
Сарациами мглнтся дороженька,
Их могилы цветы прнукрасили
На Онорья святых да Протасия!

Лидда с храмом белым,
Страстотерпиым телом,
Не войти в тебя!
С кровью на ланитах
Сгибнувшнх, убитых
Не нсчесть, любя.

Только нежный розан,
Из слезинок создан,
На твоей груди.
Бровью синеватой
Да улыбкой сжатой
Гибель упреди!

Радоиеж, Самара,
Пьяиая гитара,
Свилнся в одно...
Мы иа четвереиьках,
Нам мычать да треиькать
В мутное окно!

За окном рябина,
Словно мать без сыиа,
Тяиет рук сучье.

И скулит трезором
Мглица под забором —
Темное зверье.

Где ты, город-розан,
Волжская береза,
Лебединый крик
И, ордой иссечен,
Осиянно вечен,
Материнский Лик?!

Цветик мой дитячий,
Над тобой поплачет
Темень да трезор.
Может, им под тыном
И пахнёт жасмином
От Саронских гор!

1927—1928

ПРИМЕЧАНИЯ

Алексаидру Блоку (с. 22). Первое письмо Клюева Блок получил в 1907 году, и с этого времеии иачалась их иитеисивиая переписка, длившаяся почти десять лет. Письма Клюева иеизмеиио производили большое впечатлеиие иа Блока. «Письмо Клюева окоичательио открыло глаза!» — комментирует ои одно из иих. «Я иад клюевским письмом. Зиаю все, что иадо делать: отдать деиьги, покаяться, раздарить смокинги, даже киигн. Но ие могу, ие хочу». «Послаиие Клюева все эти дни — поет в душе». Выдержки из писем Клюева Блок цитировал в статьях «Литературиые итоги 1907 года», «Религиозиые искаиия и иарод». Первый свой сборник «Сосеи перезвои» Клюев посвятил «Александру Блоку — Нечаяииой Радости».

«Вы обещали иам сады...» (с. 28). Эпиграф — тот же, что и в стихотвореиии К. Д. Бальмоита «Оттуда», где имеется помета «Кораи».

Рожество избы (с. 33). *Кокора* — еловое бревио с кориевищем, загиутым под прямым углом. Использовалось при строительстве кровли безгвоздевой коиструкции. Коицы кокор вырезались в виде головы птицы или коия. *Подзоры* — резиые доски по ребру ската кровли. *Лудянка* — полуда, краска для лужеиия. *Ярь* — жар, огоиь, пыл (в прямом и переиосиом зиачеиии).

Избяиые песии (с. 34). Посвящеиы памяти матери поэта, Прасковьи Дмитриевиы, умершей в иоябре 1913 года.

«Четыре вдовицы к усопшей пришли» (с. 34). *Хрущатая ряднина* — хрущатый — плотиый, хрусткий — постояииый фольклориый эпитет к словам «полотио», «холст» и т. д., рядиииа — грубое домоткаиое полотио, из

которого делали подстилки, мешки и т. д. *Камлот* — плотная, шерстяная ткань. *Ендова* — широкий (чаще медный) сосуд с носиком для разливания напитков. *Ширинка* — полотенце, платок.

«О т т о г о в г л а з а х м о и х п р о с и н ь...» (с. 46). Впервые опубликовано в сб. «Скифы» (сб. 1) в составе цикла «Земля и Железо» с посвящением «Прекраснейшему из сынов крещеного царства крестьянину Рязанской губерини поэту Сергею Есенину». Знакомство Сергея Есенина и Николая Клюева состоялось осенью 1915 года. В начале их знакомства Есенин был для Клюева, помимо всего, собратом по судьбе, выходцем из народа, принесшим в город «с рязанских полей коловратовых» песни, близкие клюевским «Лесным былям». Клюев в то время опекал молодого поэта и всячески оберегал его от тлетворного влияния петербургских салонов. «Я холодею от воспоминания о тех унижениях и покровительственных ласках, которые я вынес от собачьей публики. У меня накопилось около двухсот газетных и журнальных вырезок о моем творчестве, которые в свое время послужат документами, вещественными доказательствами того барско-интеллигентского напыщенного и презрительного взгляда на чистое слово и еще того, что Салтычихин и Аракчеевский дух до сих пор не вывелся даже среди лучших так называемого русского общества». (Из письма Н. Клюева С. Есенину. Август 1915.) Как свидетельства «барско-интеллигентского» отношения к народу Клюев в открыто полемическом контексте приводит цитаты из критических статей о себе и о С. Есенине в настоящем стихотворении. *...страна моя, Белая Индия* — постоянный мотив стихотворений Клюева. Имеются в виду глубинные связи Руси и Востока (Индии, Тибета), установившиеся в незапамятные времена. Поиски старообрядцами «Града Невидимого», легендарного «Беловодья» происходили на границе Алтая и монгольских степей. Клюев неоднократно вспоминал о своих «хождениях» в Кульджу (Западный Китай) и Тибет.

Л е н и н (с. 57). Стихотворение, открывающее цикл «Ленин», опубликованный полностью во II томе «Песнослова»

(1919) и в сборнике «Ленин» (1924). Впервые напечатано в журнале «Знамя труда» (1918, № 1). Оттиск из «Песнослова» Клюев послал В. И. Ленину с дарственной надписью: «Ленину от моржовой поморской зари, от ковриги-матери, из русского рая красный словесный гостинец посылаю я — Николай Клюев, а посол мой сопостник и сомысленник Николай Архипов. Декабря тысяча девятьсот двадцать первого года». *Поморские ответы* — сочинение старообрядческого писателя Андрея Денисова (1664—1730), одного из главных вождей раскола в XVIII веке. *Церковь не наймит казенный* — имеется в виду декрет Советской власти об отделении церкви от государства. *Стопа Иоанна* — речь идет о московском великом князе Иване III (1462—1505), при котором Россия окончательно освободилась от татаро-монгольского ига (1480). *Борис, златоордный мурза* — царь Борис Годунов (1598—1605) был татарского происхождения. *Иван Великий* — колокольня в Московском Кремле, надстроенная при Борисе Годунове (1600). *Коневец* — остров на Ладожском озере.

«Мы — ржаные, толоконные...» (с. 61). Полемика с пролетарским поэтом Кирилловым Владимиром Тимофеевичем (1890—1943), автором печально знаменитого стихотворения «Мы», являвшегося своего рода стихотворной декларацией уничтожения мировой культуры («Во имя нашего завтра сожжем Рафаэля, разрушим музеи, растопчем искусства цветы...»). В. Кириллов — член «Пролеткульта», с 1920 года — один из руководителей литературного объединения «Кузница». Клюев встречался с ним в 1918 году в Петрограде.

«Маяковскому грезится гудок над Зимним...» (с. 64). Клюев во многих стихотворениях вел ожесточенную полемику с футуристами и Маяковским в частности, считая, что они как поэты «индустриальной» культуры не в состоянии создать подлинных поэтических ценностей. Также Клюев отрицательно отзывался о нигилистическом отношении футуристов к классической культуре. Начало стихотворения пародирует строку из стихотворения В. Маяковского «Радоваться рано» (1918): «Дым развейся над Зимним — фабрики макаронной!» *Маркони* — итальянский уче-

ный, изобрел радио одновременно с А. С. Поповым. *«Изобразительные искусства»* — Маяковский в 1918—1919 годах сотрудничал в органе Отдела изобразительных искусств Наркомпроса газете «Искусство коммуны». *Простой как мычание, и облаком в штанах казинетовых...»* — здесь перефразированы названия сборника стихотворений Маяковского «Простое, как мычанье» (1916) и поэмы «Облако в штанах» (1915).

«В степи чумацкая зола...» (с. 66). Написано в период сближения Есенина с литературной группой имажинистов, к которым Клюев относился резко отрицательно и считал, что связь с ними губительна для Есенина. *«Кобыльи корабли»* — поэма Есенина (1919). *Мариенгоф А. Б.* (1897—1962) — поэт-имажинист, поддерживающий дружеские отношения с Есениным в 1919—1923 годах. *«Голубень»* и *«Трерядница»* — книги стихов Есенина (1918—1920). *«Песнослов»* — двухтомник стихотворений Клюева (1919).

«Баюкало тебя райское древо...» (с. 75). Стихотворение посвящено Обуховой Надежде Андреевне (1886—1961) — оперной певице, исполнявшей в числе многих других арий партии Любаши в опере Н. А. Римского-Корсакова «Царская невеста» и Марфы в опере М. П. Мусоргского «Хованщина». Обе героини трагически гибнут. *«За дымом да слезами горькой панихиды...»* — опера «Хованщина» завершается сценой самосожжения раскольников.

«Я человек, рожденный не в боях...» (с. 77). Своеобразный отклик на стихотворение С. Есенина «Русь уходящая», точнее, на следующие его строки: «Я тем завидую, кто жизнь провел в бою, кто защищал великую идею...»

Клеветникам искусства (с. 83). *Анатолий* — Анатолий Никифорович Яр-Кравченко (1911—1984), народный художник РСФСР, близкий друг Клюева в последние годы жизни поэта. Ему посвящено стихотворение «Письмо художнику Анатолию Яру», а также стихотворный цикл «О чем шумят седые кедры». *Смарагдовый* — изумрудный. *Антютик* — (от анчутка) — сказочный персонаж романа С. Клычкова «Чертухинский балакирь».

«Кому бы сказку рассказать...» (с. 87). Сти-

хотворение относится к тому времени, когда Клюев переехал на жительство в Москву в конце 1932 года.

Разруха (с. 97). Это произведение сохранилось в архиве НКВД как приложение к протоколу допроса Н. Клюева от 15 февраля 1934 года. *Сыта* — вода, подслащенная медом, или медовый взвар на воде. *Киса* — мошна, карман. *Кошница* — корзина. *Колтун* — болезнь волос. *Вереда* — вред, болячка. *Сидонские опалы* — Сидон — древний город в Финикии. *Адамантовый* — алмазный. *Сарынь* — толпа черни.

Плач о Есенине (с. 106). Первая часть была напечатана в «Красной газете» 28 декабря 1926 года. Полностью опубликовано в кн.: Клюев Н. и Медведев П. Н. Сергей Есенин. Л., 1928. Поэма написана в форме погребального плача. Клюев прекрасно знал народные причитания (напомним, что мать поэта была плачеё-вопленницей). *Помяни, чертушко, Есенина* — по догматам православной церкви, самоубийство считалось грехом: налагавших на себя руки не отпевали, не поминали в церкви. *Из-под кобыльей головы...* — имеется в виду поэма С. Есенина «Кобыльи корабли» (1919). *Влас* — христианский святой, покровитель домашнего скота. Ассоциировался с языческим богом Велесом. *Афон* и *Саров* — православные христианские монастыри. *Чирея, Грызея, Подкожница, Удавница* — зловещие птицы-девы, персонажи русского фольклора, приносящие несчастья.

Деревня (с. 118). Впервые поэма опубликована в журнале «Звезда» (1927, № 1). Появление поэмы в печати вызвало многочисленные резкие и клеветнические критические отзывы А. Безыменского, Г. Лелевича, Л. Авербаха, О. Бескина и др. Эта поэма представляет собой плач по умирающей старой деревне и прощание с ней. «Поэма «Деревня», не гремя победоносной медью, до последней глубины пронзила болью свирелей, рыдающих в русском красном ветре, в извечном вопле к солнцу наших нив и чернолесий... Если средиземные арфы живут в веках, если песни бедной, занесенной снегом Норвегии на крыльях полярных чаек разносятся по всему миру, то почему же русский берестяной Сирин должен быть

ощипан и казнен за свои многопестрые колдовские свирели — только лишь потому, что серые, с невоспитанным для музыки слухом обмолвятся люди, второпях и опрометно утверждая, что товарищ маузер сладкоречивее хоровода муз?...» (Письмо Н. Клюева во Всероссийский союз писателей). *Басма* — грамота с печатью золотоордынских ханов. *Василий Буслаев* — герой русского фольклора. *Коловрат* — Евпатий Коловрат, рязанский витязь-боярин, погибший в неравной битве с полчищами Батыя.

Погорельщина (с. 123). Клюев считал «Погорельщину» одним из лучших своих произведений. «То, для чего я родился»,— вспоминал слова поэта А. Н. Яр-Кравченко. «Погорельщине» посвящена статья В. Г. Базанова «Поэма о древнем Выге» («Русская литература», 1979, № 1). Ниже приводятся примечания Н. Клюева к «Погорельщине»:

Порато баско — весьма прекрасно.

Майка — рыбьи молоки.

Дюжий — преисполненный крепости, силы и исключительных качеств.

Набойка — ткань, набитая в узор резной доской, смоченной жидким раствором растительной краски того или иного цвета.

Коклюшки — палочки с головками, употребляемые при плетении кружев.

Заполовели — вспыхнули румянцем или заревым огнем (яблоня в цвету, розан, маки — всякий цвет малиновой нежной окраски).

Мстёры — знаменитое по иконописанию село Владимирской губернии Вязниковского уезда.

Кондовый — выросший на песчаном сухом грунте, подобный сплаву красной меди.

Доличное письмо — у иконописцев все, что пишется раньше лица,— палаты, древеса, горы, тварь... После же всего пишется Видение лица.

Кросна — ткацкий станок, непременно украшенный резьбой и раскраской, иногда золоченый.

Мёрды — конусообразные плетушки для загона рыбы. Приготовляются из ивовых тонких прутьев.

СОДЕРЖАНИЕ

Клюев Н. А.

К 52 Стихотворения и поэмы / Сост., предисл. и примеч. Ст. Куняева.— М.: Мол. гвардия, 1991.— 157 [3] с., ил.— (XX век: поэт и время).

ISBN 5-235-01259-3

Поэзию Николая Клюева (1884—1937 гг.), доживи он до наших дней, критики скорее всего отнесли бы к «деревенской поэзии» — по аналогии с «деревенской прозой», хотя творчество его куда шире и разнообразнее. Знаток мировой культуры и защитник народного лада жизни, он был глубоко образованным человеком и мог бы внести куда более весомый вклад в русскую культуру, не распорядись с ним судьба самым трагическим образом в годы жесточайших репрессий.

К $\frac{4702010202-123}{078(02)-91}$ 166—91 **ББК 84Р7**

ИБ № 6873

КЛЮЕВ НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

**Стихотворения
и поэмы**

Заведующий редакцией
Г. Зайцев

Редактор
С. Щербаков

Художественный редактор
Т. Погудина

Технический редактор
Н. Тихонова

Корректоры
Н. Овсяникова,
Н. Самойлова

Сдано в набор 10.09.90. Подписано в печать 10.04.91. Формат $60\times90^1/_{32}$. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,0. Усл. кр.-отт. 10,25. Учетно-изд. л. 5,8. Тираж 200 000 экз. (1-й завод 100 000 экз.). Цена 2 руб. Заказ 1228.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва, Сущевская, 21.

ISBN 5-235-01259-3

2 руб.

